

АЛЕКСАНДР БУБЕННИКОВ

КНЯЖЬЯ ВОЛЯ

• Русь Окаянная •

Русь окаянная

Александр Бубенников

КНЯЖЬЯ ВОЛЯ

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бубенников А. Н.

Княжья воля / А. Н. Бубенников — «Эксмо», 2021 — (Русь
окаянная)

ISBN 978-5-04-164464-2

Повествование о важнейшем периоде продолжения собирания русских земель Москвой, прекращения внутренних междоусобиц, устранении политических противников Ивана III и Василия III в Русском государстве и ослаблении давления Литвы (через союз Москвы с крымским ханом Менгли-Гиреем). Свадебный поезд Елены к Александру Казимировичу Литовскому; политика Ивана Великого на западе и востоке, боярские заговоры, коронование Дмитрия-внука, сына Ивана Младого, развитие имперского замысла Ивана III как «Третьего Рима». Пик династического кризиса и венчание на царство Василия III – сына Софьи Палеолог. Низложение великой княгини Елены Волошанки, покровительницы еретиков жидовствующих. Смерть Ивана III и Дмитрия-внука (в заточении с воеводы Ивана Великого). Воцарение нового государя Василия III. Серия исторических романов охватывает вековой период истории Руси XV и XVI вв. (1480–1560 гг.) и рассказывает о прорыве Москвы, Третьего Рима, временах правления Василия III, Ивана IV. Романы тематически объединены в единое целое и могут быть весьма интересны и актуальны своими непреходящими историческими и нравственными уроками для современной России начала XXI века. В сюжетные линии романов органично вплетены древнерусские произведения – летописные своды, жития, послания, духовные грамоты, освещающие не только личности князей и преподобных – героев романа, но и тайны русской истории и его великих государей, русского прорыва на Западе и Востоке, создания Великой Империи Ивана Великого и Ивана Грозного. Цикл из шести исторических романов помогут глубже проникнуть в актуальные для нынешнего времени тайны отечественной истории первой Смуты в государстве и душах людей, приоткрыть неизвестные или малоизученные её страницы становления и укрепления русской государственности и

гражданственности, и предназначается для всех интересующихся историей Руси-России.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164464-2

© Бубенников А. Н., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

1. Собор 1490 года	7
2. Конец Андрея Большого	19
3. Интриги и сношения	27
4. «Конец света» в 1492 (7000) году	39
5. Мирный договор и обручение	47
6. Приготовления и низложение Зосимы	52
7. Свадебный поезд Елены	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александр Бубенников

Княжья воля

© Александр Бубенников, 2022

1. Собор 1490 года

В светлый сентябрьский вечер государь Иван Васильевич один без свиты приехал в Симонов монастырь к архимандриту Зосиме. Гнедые жеребцы государева экипажа, сверкая глазами, тяжело влетели во двор и остановились у парадного крыльца, где знатного гостя встречал старый игумен. Государь не торопился с выходом из экипажа. Пусть монах хорошенько подумает, прежде чем ответить перед своим государем.

Зосима догадывался, зачем к нему в монастырь вторично наведался государь – звать в митрополиты московские.

Когда Зосима сразу же после смерти митрополита Геронтия услышал из уст государя предложение ему занять митрополичий престол, он чуть не поперхнулся. «Да какой из меня митрополит. Я и епископской кафедры недостоин, не то что. Вон сколько епископов пекутся о престоле московском митрополита... Не печалюсь, а скорее радуюсь я в скромном и несуетном игуменстве простого архимандрита. Как Господу угодно устроить со мной, иноком безответным, так и да будет. Спасибо на том». Государь смерил тогда Зосиму тяжелым взглядом, в котором горе и печаль перемешались с решимостью довести до конца начатое дело, и невольно прошелестел губами: «Мне и нужен такой святой отец, который о митрополичьем престоле не печётся шибко».

И у старого монаха перехватило дыхание. Он почувствовал, как мурашки побежали у него по спине: его жизнь оказалась зажатой в ладонях государевых, и зависела только от его княжьей воли. Но зачем?.. Кому нужна его жизнь старого монаха?..

Зосиме по-своему было безумно жалко государя. Он сильно сдал после смерти сына Ивана Младого, своего соправителя государством. Что-то нарушилось в государевой системе жизненных ценностей, – он словно оказался беззащитным перед вызовами времени. Когда-то Зосиме казалось, что только сын Иван Младой нуждается в отце, закрываемый его широкой государевой спиной от неожиданных сквозняков и ветров истории. Теперь же Зосима, глядя на согбенную фигуру мгновенно сдавшего и постаревшего государя, обратил внимание на то, что после смерти сына отец лишился так необходимой ему жизненной опоры и защиты, уверенности и непогрешимости властителя, какого-то внутреннего, спасительного стержня на пронизывающих, губительных ветрах истории.

Потому и порывы государя найти новую опору в духовных и мирских людях совершались самым странным и неожиданным образом. В них виделась его внутренняя потребность бороться не за собственную шкуру или за семейное спокойствие, а за создаваемое на костях врагов и друзей мощное, прирастающее старинными землями предков-единоверцев государство Русское. Вот и Зосима почему-то потребовался государю, как будто на старом игумене свет клином сошелся.

В московском Симоновом монастыре Зосима провёл многолетнюю суровую жизнь монаха-отшельника: непрерывная молитва, строгое воздержание и тихий добрый нрав благочестия выделяли его из братии. Но таких монахов и игуменов в монастырях земли русской было – пруд пруди, а государь почему-то остановился на нём в своих думах и волеизъявлении. То, что других архимандритов могло бы обрадовать и вознести до небес, Зосиму почему-то устало.

Он, опустив очи долу, смиренно попросил: «Дай, государь, немного времени обдумать... Не могу я сразу так... Моё дело иноческое было простое – Бога молить, а не в государевы дела вмешиваться и впереди многих, более достойных высываться. Не про нас, грешных, такая честь... Прости, что не так, государь, я уж себе на том свете местечко присматривал, а ты меня на яркий свет собора выставляешь другим в пример тщеславия превеликого для инока тишайшего... Я ж на соборе от стыда сгору... Всего крохотку времени прошу...»

Государь жестко отрезал перед холодным прощанием: «Собор выберет того, кого им укажет государь. Его воля – закон для собора».

Он уходил с согбенной спиной, когда галки на деревьях и монастырских стенах в сгущающихся вечерних сумерках наполняли воздух выкриками тоски и печали. Зосима долго смотрел ему вслед и думал не о себе – какой из него владыка? – да никакой, по сути. Думал о государе: когда-то слепой великий князь Василий Тёмный, его отец, сделал 12-летнего сына соправителем государством, и на пару они властвовали так до самой смерти Василия, что отцу не было стыдно за сына, а сыну за отца. И государь Иван Великий, сам ставший отцом, хотел передать престол сыну-первенцу Ивану Младому так же, чтобы в преемственности и усилении государевой власти от отца к сыну осознавалась её незыблемость и растущая с каждым годом мощь русского православного государства. В другие времена государь бы вызвал к себе в кремлевский дворец того же Зосиму, стукнул кулаком по столу – иди на митрополичье и баста! – а здесь тайно, подальше от глаз людских, приезжает, упрощает. Видать, чувствует, что в «последних временах» после смерти сына заговоры боярские назревают, смута церковная близится, враги Руси на её границах головы поднимают, в желании снова неволить её земли и народы, – одним словом, запашок смуты чует. И галки кричат во всё горло, тоску и печаль навеяв своими криками. И вот государь вновь в Симоновой обители.

Когда после короткого приветствия прошли в покои игумена, Зосима вдруг понял, что, оказав такую неслыханную ему честь, государь нечто иное из тайн своей души выкладывает в своё вторичное появление в монастыре после скоропостижной «случайной» смерти митрополита Геронтия. Зосима ведь был наслышан о нескольких конфликтах государя с Геронтием, когда, заглаживая свою вину, государь отправлялся в монастырь на поклон опальному митрополиту, чтобы возратить его на пустующий митрополичий престол. И вот он снова в монастыре, с такими же хлопотами о пустующем престоле. Попробуй такому отказать в просьбе... К игуменам просто так государи не ездят. Нет на них времени в государевых делах... А вот для проявления княжьей воли здесь, в Симоновом монастыре, время нашлось. Зосима просил на размышления щепотку времени, – и вот эта щепотка просыпалась...

– Божья воля на всё... – нарушил молчание государь. – Одного ныне, как преподобного Геронтия, отзовёт к себе Господь, другого вослед – после... Все мы временные гости в сём вечном мире...

– Да, государь, всего лишь временные гости... – кротко промолвил Зосима. – ...Конечно, горе сие велико... Но мир вечен, право...

Государь поднял на игумена глаза и промолвил с еле скрываемой усмешкой:

– Значит, в конец света через несколько месяцев, в последних временах, на исходе семи тысяч лет не веришь?.. Так, Зосима?..

– Так, государь...

– А епископ Геннадий и иже с ним верят, настаивают... – глянул пристально и испытующе в глаза игумена. – Что же ты, Зосима, с еретиками заодно?.. Те тоже не верят в конец света... Но то ведь еретики... Неужто ты с ними заодно, Зосима?..

Зосима даже прикрыл глаза веками, не в силах больше выдерживать взгляд государя, в раздумьях – чтобы бы это значило? Странные речи его о конце света, о еретиках и их неумном преследователе Геннадии.

– Не с ними, государь... – выдохнул из себя Зосима. – ...Но и с Геннадием не согласен... Лют больно епископ... Крови жаждет, казни святейшей инквизиции латинян не дают ему покоя...

– Ну, а ты?..

– Геннадий всех без разбору вольнодумцев, в том числе и тех, кто не верит в конец света, обвинил в принадлежности к секте тайных иудеев, в «ереси жидовской», требуя для них смертной казни...

– Ты против этого?..

Зосима только на один миг задержался с ответом, но твёрдо сказал:

– Против...

Государь положил ему руку на плечо и сказал негромко с подчеркнутым значением:

– Вот потому я и хочу поставить тебя, Зосима, на митрополичий престол. Поставь я Геннадия, он такого бы наломал в своём усердии угнаться за «шпанским королём» и латинскими инквизиторами в поисках ереси... – усмехнулся, вспомнив старые церковные дела давно минувших дней. – ...На последних временах четверть века тому назад ещё покойный митрополит Феодосий свихнулся. Правда, надо отдать ему должное, инакомыслящих не преследовал, скорее журил, зато корыстолюбцев гнал из церкви взашей... – Снова пытливо поглядел в глаза Зосиме. – Наверное, мучаешься вопросами, чего это к тебе государь зачастил... Правильно разумеешь, если решил, что государь хочет жить в ладу со своей совестью... Неспокойной она была, когда раздрай у меня с Геронтием вышел... Задумал я его убрать из митрополитов, раз он в монастырь решил от меня сбежать, чтобы досадить мне... Помнишь, было такое?..

– Помню... – тихо ответил Зосима, пытаясь разобраться хоть как-то, в какое русло сворачивает беседа.

– Слышал, небось, перед тем, как я решился низложить Геронтия, снесся я со старцем Паисием Ярославовым их Кирилло-Белозерского монастыря. Попросил этого великого книжника принять сан митрополита. А кирилловский старец взял и отказался от такой чести. Почему – не объяснил, но в своей обители, как мне передали такую горькую фразу государю в укор бросил: «Не гоже на несчастье других своё счастье делать». Мол, живой и несчастный Геронтий, согнанный с престола, не принесёт счастья старцу-книжнику Паисию, возведенному на митрополичье. И после этого преподанного Паисием урока поехал я на поклон к Геронтию просить того возвращаться на престол. Нет уже и Геронтия, и Паисия. И сына Ивана тоже нет. А я здесь у тебя в Симоновом снова. Вот так.

Про умершего сына и про свой второй визит в Симонов после отцовской трагедии государь сказал с такой болью в душе и голосе, что у самого Зосимы в глазах помутилось. Наверное, тяжело дались государю поездки «на поклон» и к Геронтию, и к Паисию, и к нему, чернецу безвестному Зосиме в Симонов монастырь на окраине столицы. Почувствовал кожей Зосима, что неспроста государь поставил на него. Может, хорошо наслышан государь о нем Зосиме, своем единомышленнике, от протоирея Алексия, который до конца своей жизни пользовался великой доверенностью государевой...

И ещё подумал Зосима, что недаром государь дотошно спрашивал его об отношении к концу света. Сам-то государь, конечно, знал, как побороть страхи ожидания через несколько месяцев 7000 года от сотворения мира и связанного с этим годом конца света. Государь приказал составить новые Пасхалии, поскольку старые пасхальные таблицы были доведены лишь до 7000 года. Незадолго до смерти Ивана Младого им и Софьей в Москву был приглашен ученый медик из Любека Никола Булев, который, став придворным лекарем, должен был помочь московским священникам в составлении новых Пасхалий.

После таинственной смерти своего единомышленника протоирея Алексия-Авраама, игумен Зосима был хорошо информирован от московских священников, что латинянин Булев открыто отстаивал идею униатства и выступал рьяным противником «жидовской» ереси. Попав на службу к Геннадию, доктор по заказу последнего начал переводить с латинского языка сочинение Самуила Евреина против иудаизма и ереси тайных иудеев. Из всего этого Зосима мог сделать вывод, что спор Геннадия с тайными иудеями во главе с Алексием с плоскости конца света в 7000 году плавно переместился в плоскость противопоставления ученого латинства древней иудейской мудрости. На подходе были вопрос о терпимом или нетерпимом отношении к симонии (продаже и покупке церковных должностей и духовных санов), а также жесткий спор церковного стяжательства с нестяжательством...

Зосима понял, что, государю в силу разных причин нужен был баланс интересов ортодоксов во главе с Геннадием, скрытых и явных латинян, оказывающих сильнейшее влияние на новгородского епископа и его присных, и «еретиков» с вольнодумцами, только что лишившихся своего наставника Алексия. При постановке на митрополичье Геннадия или его приспешников, баланс нарушался, и это грозило государю неизвестными последствиями в церковной и государственной жизни Руси. И так врагов у Москвы не счесть, один король Казимир Литовский чего стоит. А тут ещё своя династическая заматня: государь не вечен, двор и бояре раскололись, одна половина за старую великую княгиню-римлянку Софью с 12-летним сыном-наследником Василием, другая – за великую княгиню Елену, потворствующую еретикам, с 7-летним Дмитрием-внуком.

Государь испытующе глядел на игумена. Зосима не стал испытывать терпения государя.

– Раз государь хочет меня видеть владыкой на престоле, пусть будет на то его княжья воля и выбор епископов...

– Ну, и слава Богу... – с излишней строгостью и серьёзностью промолвил государь... – Держись и не крушись... Знай, что доброе мнение отца Алексия много стоило... Перед смертью он за тебя ратовал, именно тебя хотел видеть на престоле. Ты понимаешь, что мнением и подмогой Алексия я всегда дорожил. Без него бы Новгород так быстро не присоединили, Казимира бы не напугали заговорами русской и иудейской партий в Литве, союз с Менгли-Гиреем не укрепили бы... Но к тебе, Зосима, я и сам давно приглядывался, не важно – кто-то за тебя, а кто-то против... А для меня важно скорее то, что тебе хочется не власть владыки над людьми иметь, не превыше других стать, а войти в их положение, в том числе и государево положение, потерявшего только что своего любимого сына, победителя татар...

Зосима снова глядел на согбенную спину государя и почему-то подумал о том, что безвестный симоновский монах понадобился в последних временах русскому государю на митрополичьем престоле. О том, что государь в своём горе отца, безвременного потерявшего сына назвал своего любимца сына, соправителя «победителем тата», так же, как когда-то называли Дмитрия Донского. Никогда государь не называл себя «победителем татар», как именовали прадеда, а вот сына так назвал. Значит, гордился им и горевал безмерно, что престол неизвестно кому передавать, Дмитрию-внуку или Василию. «Как такому государю в окружении латинян и еретиков не помочь на митрополичьем престоле, выбрать то, что Руси святой надобно?.. Чтобы пропасть смуты и тоски с отчаянием внутрь себя и в кромешную глубь не засосала...» – подумал грешный старец, ставший вдруг неожиданно для всех и для себя тоже по странной, но неукоснительной княжьей воле митрополитом русской православной церкви

Уже 26 сентября 1490 года игумен Симоновского монастыря Зосима на церковном соборе был возведен в сан митрополита. Через два дня, рано утром, дряхлый, неряшливый по-стариковски, Зосима утром помолился, машинально оделся, кое-как поел. Он предавался своим мыслям с неприятным осознанием того, что он взошел на митрополичий престол, к чему никогда не стремился, просто поддался воле государя, чтобы вывести того из печали и подыграть его неведомым интересам. В раздумьях о странной великокняжеской воле Зосима не переезжал в митрополичий монастырь, оставаясь в родной Симоновой обители.

Зосиме сообщили, что к нему прибыл старый знакомец епископ Вассиан Тверской. Тот отозвал его в сторонку и заговорщицким тоном прохрипел в ухо:

– Давай пошепчемся, владыка.

Поскольку Зосима отозвался как-то вяло и неуверенно, епископ ослабил в нехорошей улыбке.

– Неужто митрополит уже нос стал задирать?.. Вроде рановато, Зосима. Или позабыл, как в Симоновом угощал меня медами стоялыми в пост филипповский и даже великий? – Видя

насупившееся лицо Зосимы добавил быстро свистящим шепотом. – Да ладно тебе, друже, не проболтаюсь, раз сам такой же грешник отменный, как новый митрополит...

– О чем шептаться надумал? – всё так же неприязненно спросил Зосима и с внутренней ухмылкой подумал: «Надо же чем решил укорить меня – пьянством... Так ведь об этом каждая церковная собака знает. Так ведь почище этой пагубы грехи в церкви имеются...»

Епископ Вассиан прервал его мысли, заговорив вдруг шепотом, нечленораздельно и бес-связно:

– Здесь, брат, такую бодягу Геннадий затеял... Ещё при владыке больном Геронтии сразу после смерти Ивана Младого стал подбивать владыку собор устроить в Москве против ереси... Ещё до сороковин стал владыку терзать... А после сороковин великого князя, когда Леону Жидовину, лекарю Ивана Младого, башку отрубили, во все епархии епископам стал писать свои грамоты... Призывать бороться с жидовской ересью... Его казнь Жидовина как вдохновила крестовым походом выйти против тайных иудеев... Он, видишь ли открыл ересь у себя в Новгороде, собрал все об ней известия и доказательства, прислал дело на суд государю и митрополиту... А государь его тормознул... А митрополит Геронтий то ли был болен, то ли зуб имел на Геннадия... Тоже, одним словом, тормознул... А Геннадий – ни в какую... Мол, требую собора против ереси в православной церкви... Знаешь, ради чего он это затеял?..

– Чего ради?.. – встрепенулся, как ото сна, Зосима и поёжился от пробравшего его холода аж до печени.

Вассиан покровительственно хохотнул и, взяв за плечи Зосиму, легонько встряхнул того.

– Знамо дело, если бы Геннадий устроил собор сразу после смерти Ивана Младого и даже после смерти Геронтия, – труба бы было дело... На государя после смерти сына как затмение какое нашло – никого видеть не хотел и слышать тоже... В печали государевой, устрой Геннадий собор против еретиков, мы, епископы, враз бы избрали шустрого новгородского владыку митрополитом... Ещё бы, это ж надо так радеть за греческую веру?.. Спит и видит только – как еретиков прищучить и казнить... Он ведь смерти требует для еретиков, тайных иудеев и прочих, по примеру латинян, короля шпанского... Он остальных епископов за горло схватил, руки выламывал – собором вдарим по ереси...

– Ну и избрали бы Геннадия... – тихо огрызнулся Зосима. – Раз выломал он вам руки. Чего же вы обломанными руками меня на престол митрополичий посадили?..

Епископ подмигнул лукаво Зосиме левым глазом, мол, знай наших, чующих государевы веяния и настроения.

– Так ведь недаром государь тормозил с собором ретивого Геннадия. Государь выразил милость простому архимандриту ведь тоже недаром... – Тверской епископ кивнул вызывающе в сторону Зосимы. – ...С дальним прицелом...

– С каким таким прицелом?.. – спросил негромким, но уже разъяренным голосом Зосима. – Что ты всё говоришь загадками... Вокруг да около ходишь, как кобель вокруг жрачки во рту монаха...

Епископ мотнул удовлетворенно головой и промолвил с яростным напором:

– Вот теперь узнаю старого Зосиму. Я думал, что ты догадываешься, о чём речь, что стоит за требованием Геннадия созвать собор и расправиться с еретиками... За Геннадием ведь не только многие православные епископы, но и скрытые латиняне за ним в хвост пристроились...

– Ну и что? Говори понятней.

– Куда уж там понятней... Если Геннадием сама великая княгиня римлянка Софья умно и тонко правит, вертит им, как хочет, лишь бы досадить своей сопернице Елене Волошанке, ослабить позиции её сына Дмитрия, но поближе к престолу пододвинуть Василия-Гавриила...

– Ты-то сам за кого?

– Знамо дело, за нашу тверскую ветвь династии, что идёт от Марии Тверской и Ивана Младого... Что-то ты, Зосима, какой-то непонятливый стал, как в митрополиты вышел...

Неужто не догадываешься, что государь тебя на престол двинул, чтобы Геннадию малость укоротить... Абы нужда была бы в Геннадии, за него бы похлопотал... А он тебя, монаха несчастного, митрополичьем пожаловал... А теперь слушай главное...

Зосима снова зябко передернул плечами и сказал как можно спокойнее и достойнее:

– Ну, слушает тебя иннок несчастный, возведенный на митрополичье... Давай, не томи душу...

Епископ не заставил себя ждать.

– Так ведь среди виновных еретиков Геннадий грозил судом не только новгородским диаконам, он поименовал и единомышленников Алексия-Авраама...

Во время значительной паузы Зосима еле проглотил слюну, настолько в его горле всё высохло и воспалилось.

– Знаешь, кого Геннадий назвал в ряду главных единомышленников покойного Алексия?.. Причем московских единомышленников... – посмотрел торжествующе сверху вниз на Зосиму. – Не только Дионисия, Ивана Максимова, Гавриила, дьяка Федора Курицына, его брата Волка, прочих, включая игумена Зосиму,... Чуешь, куда я клоню?..

– Не очень...

– А сам подумай. Геннадий Новгородский суда над тобой требует... А государь своим епископам рекомендовал тебя поставить на митрополичье... Что, он не знает сути требований Геннадия?.. Вот то-то и оно, что знает... Знает и то, что в завуалированной форме Геннадий требует расправы и над Еленой Волошанкой, покрывающей еретиков, и обожавшей Алексия-Авраама и своего нового духовника Ивана Максимова.

– Н-да... – хмуро изрек Зосима, поняв, что государю позарез перед собором против ереси нужен был на митрополичье человек Алексия.

– Собор всё равно состоится по настоянию Геннадия... Так ты уж теперь не оплошай, митрополит Зосима... – с улыбочкой промолвил епископ, обнажив желтые стертые клыки. – Держись... И помни – отцы церкви разделились, одни горой стоят за Геннадия, считай, что за Софью, однако не меньшая часть будет против Геннадия-корыстолюбца, погрязшего в симонии... будет за Елену Волошанку и Дмитрия-внука... И я среди последних, хотя против жидовской ереси... Всё теперь учитывай, митрополит... Балансируй на острие ножа, недаром тебя государь из многих выбрал, раз ты в друзьях Алексия-Авраама ходил, раз ты терпимо к тайным иудеям и прочим еретикам относишься...

Сразу после посвящения Зосимы в сан митрополита, под давлением архиепископа Геннадия и ряда других консервативно настроенных священников в Москве был созван церковный собор для обсуждения мер по прекращению дальнейшего распространения ереси. Государь, вовремя поставивший во главе русской церкви Зосиму, призвал архиепископов Нифонта Суздальского, Тихона Ростовского, Симеона Рязанского, Вассиана Тверского, Прохора Сарского, Филофея Пермского, а также многих архимандритов, игуменов и священников. И повелел всем русским собором сначала исследовать ересь, а потом уже принять меры против её дальнейшего распространения.

Сам же государь уклонился от участия в заседаниях собора, но внимательно следил за его работой, послав представлять туда великокняжескую власть делегацию из трёх бояр и одного дьяка во главе с опытным главой боярской думы Иваном Патрикеевым. Естественно, на соборе, как и положено, председательствовал новоиспеченный митрополит Зосима.

К удивлению многих отцов церкви Зосима снял вопрос о суде над посольским дьяком Федором Курицыным, его братом Иваном Волком, Иваном Максимовым, духовником Елены Волошанки, и многими другими еретиками из тайных иудеев и вольнодумцами из московской знати.

По иронии судьбы главным обвиняемым на московском соборе стал игумен Захар, имевший только косвенное отношение к тайным иудеям. А ведь Геннадий грозился устроить показательное судилище над сектой тайных иудеев, свившей своё крамольное гнездо в самой православной церкви. Почему-то с лёгкой руки митрополита всё на соборе сосредоточилось на козле отпущения – игумене Захаре. А потом уже вызывали новгородского протопopa Гавриила, священника Архангельского храма Дионисия, некоторых других. Они после зачитанной Геннадиевой грамоты и предъявленных обвинений во всём отпирались...

С ужасом превеликим слушал собор обвинения Геннадия, даже митрополит Зосима казался изумленным – сидел тише воды, ниже травы. А архиепископ новгородский доносил до собора свои страшные обвинения:

– ...Сии отступники церкви злословят Христа и Богоматерь, плюют на кресты, называют иконы «болванами», даже «грызут оные зубами», повергают в места нечистые, не верят ни Царству небесному, ни Воскресению мертвых... Безмолвствуя при усердных христианах, дерзостно и богохульно развращают слабых духом, нестойких в вере православной...

А за Геннадием вставали его сподвижники и били наотмашь отступников и отпирающихся святотатцев...

– ...Не видала подобного соблазна благочестивая земля Русская от века Святой Ольги и Владимира святого...

– ...Уверяют презренные еретики, что закон Моисеев есть единственный Божественный... Предпочитают Ветхий Завет перед Новым заветом

– ...Святотатцы додумались даже до того, что вся история спасителя нашего Иисуса Христа выдумана книжниками от начала и до конца... И вообще, настоящий Христос ещё не родился... И ждать нужно не второго пришествия, а ещё первого... Вот какие кощунственные речи вели еретики-богохульники...

– ...Разве не позор, что в недрах православной церкви завелась ересь, отказывающая в истинной святости Богородице Пречистой, нашей Царице Небесной... Отвергают Святую Троицу...

– ...Разве не ересь и богохульство, когда еретики и вольнодумцы доказывают, что не должно поклоняться святым иконам, что надо презирать таинства и обряды христианские?..

– ...Ополчились еретики против монастырей и архимандритов со священниками, пекущимися о чистоте греческой веры...

Да обвиняемые Захар, Дионисий, Гавриил, другие отпирались, как могли, но предоставленные сторонниками архиепископа Геннадия были весомыми и рассеивали многие сомнения насчет несправедного осуждения. Многие из консерваторов открыто требовали для обвиняемых пыток и даже казней еретиков...

В течение нескольких дней и митрополит, и собор ждали указаний от государя... А тот не торопился, внимательно слушая князя, первого боярина Ивана Патрикеева и мотая на ус...

Когда Иван Патрикеев приходил снова на заседания собора, то на него устремлялись десятки горящих глаз священников с вопросом: «Как там государь? На что решился – казнить, наказать или миловать?»

А Патрикеев знай себе подшучивать над святыми отцами:

– У вас тут на соборе повеселей, чем у нас в боярской думе... Речи митрополита духовенства в краску вгоняют...

Митрополит ждал вызова к государю или слова государева через посредничество князя Патрикеева, но ничего уже который день так и не дождался. Патрикеев подшучивал над Геннадием и его единомышленниками из консерваторов:

– Ну, что приуныли, отцы кровожадные... Ничем порадовать вас не могу, государь против пыток, казней, крови... Видите, какой у нас государь; он у нас беспощаден только к истинным врагам Руси святой... А с заблуждающимися по его разумению нельзя, говорит, крово-

жадничать... Сегодня еретиков жидовствующих можно истребить под корень, завтра латинян скрытых, а послезавтра и до единоверцев православных можно добраться только на том основании, что кто шибко силён в греческой вере, того можно миловать, а кто не шибко – тому секир башка... Пусть хоть толком разберутся, исследуют корни ереси, а потом уж пытками и казнями страшат... Только ведь, судя по всему, никто толком не хочет разбираться в ереси жидовствующих, в каббале, астрологии, нумерологии, чернокнижных учениях... Сразу ересь и баста... Башку отрубить – особого ума не надо, ты с этой башкой поспорь... Видать, после Алексия нет у еретиков истинных учителей и вождей... При нём-то вы ведь боялись выходить на открытый спор богословский на соборе... Говорят, и епископ Геннадий сбежал, когда в споре ученом коленки дрогнули... Вот то-то и оно, что боялись, ждали удобного случая. чтобы кусать мертвого матерого волка – только ведь нет больше Алексия...

«Напрасно так хлопотал молиться о нынешнем дне, о судьбе собора... – тревожно думал Зосима.– ...Напрасно не спал всю ночь в молитвах и тревогах – лишь бы положить всему конец благочестивый... Хорошо хоть на соборе не поминают моего друга близкого Алексия-Авраама, а то от стыда совсем деваться было бы некуда... Пошли бы честить Алексия, от митрополита новоиспеченного одни рожки да ножки остались... Значит, кто-то кроме меня Геннадию рога обломал не трогать память Алексия, себя принесшего вместе с Мамоном в жертву ради процветания Руси – второго Израиля – и укрепления династической тверской ветви с маленьким Дмитрием-внуком, в жилах которого течет иудейская кровь по матери Елене Волошанке, приобщенной к каббале...»

Уже под занавес собора они остались втроём: митрополит Зосима, епископ Геннадий и князь Патрикеев, чтобы выговориться и подойти к решению собора, к которому склонял его государь: уличенных и избалованных не пытать и не казнить, а всего лишь осудить на заточение безумных еретиков...

– Ах, право, чего же ты хочешь, епископ, чтобы кровью залить церковь православную?.. – сурово вымолвил князь Патрикеев, пронизывая пытливым взглядом Геннадия. – Ты ведь так и не сказал о корнях ереси... Как она проникла к вам Новгород, оттуда в Москву... Всё вокруг да около... Говорят ты в богословских спорах с протоиреем Успенского собора был откровеннее... А здесь как в рот воды набрал... Не гоже так...

Геннадий набычился и позволил себе неслыханную дерзость, сродни наглости, в отношении главы боярской думы в присутствии новоиспеченного митрополита:

– Ты ведь, ты, князь, вместе с боярской старомосковской партией в твоей Думе за Дмитрия-внука стоять будете?.. Не так ли?..

Иван Юрьевич Патрикеев в карман за словом не полез, и отвечивал с тонкой иезуитской улыбкой, чтобы похлеще уязвить скрытого латинянина-епископа:

– За кого боярская дума, это не твоего ума, Геннадий, дело... А вот за кого новгородский епископ, это и ежу понятно без лишних слов, даже без твоей зачитанной обвинительной грамоты: за римлянку Софью ты и за сына её Василия... А по старинному праву государь себе сам преемника назначил великого князя Ивана Младого... Случись что с государем, кто бы стал государством править?.. Ясное дело, Иван Младой, а у него уже сын есть преемник, Дмитрий-внук... Так?..

– Так-то так, да всё не так... – взорвался Геннадий. – Ничего не случилось с государем... А с Иваном Младым случилось... Где это видано, чтобы внук отца-государя имел преимущество перед законным наследником сыном... Рожденным к тому же от византийской царевны...

Князь Патрикеев жестко осадил епископа:

– Хорошо... С этим мы быстро разобрались... Ты за римлянку и за латинян... Иди и целуйся с Василием-Гавриилом, кто тебе мешает... А вот насчет престола святого государева сыну римлянки – здесь, брат, шалишь... Что, думаешь, не видно, что собор ты кликнул, чтобы

не с еретиками разделаться, а великой княгине Елене на радость другой великой княгине Софье досадить...

– Но ведь не секрет, князь, что Елена Волошанка потворствовала всем еретикам, начиная от духовных Алексия, Ивана Максимова и прочих, и кончая дьяком Федором Курицыным, его братом Иваном Волком... – захлебнулся слюной Геннадий. – ...Кое-чего знаем о иудейских корнях Елены, ее еретическом окружении, даже и о жертвоприношениях в честь её и сына Дмитрия...

Митрополит Зосима сделал протестующий жест рукой.

– Хватит... Воротитесь к сути спора... Так вас занесёт Бог знает куда – откуда ногами вперёд выносят...

Но предостережения митрополита не подействовали на епископа и князя. Оба закусили удила.

– Слово не воробей, вылетело не воротишь... Только я твоё словцо, епископ подхватил... А ну-ка давай выкладывай об иудейских корнях великой княгини Елены и жертвоприношениях... – грозно сказал Патрикеев и насупил густые черные брови на перекошенном яростью лице.

– Так ведь уши завянут... Великой княгине Елене побежишь ябедничать, государя будешь смущать... – усмехнулся Геннадий.

– Может, хватит... – продолжал нудеть митрополит, понимая что попался он зернышком в жерновах сторонников двух соперничающих великих княгинь Софьи и Елены.

– Не хватит... – отрезал Патрикеев. – Пусть речет епископ то, что убоился на соборе сказать...

Геннадий набрал побольше воздуха в легкие и словно шагнул в холодную дымящуюся бездну.

– Иудейские корни Моисеевой веры идут от пророков Авраама и Моисея... Господь с ними, пророками, и с тем, что эти имена вновь почему-то оказались на слуху Москвы совсем недавно, оказались связанными с выздоровлением Дмитрием-внука и смертью Ивана Младого... Вот пусть с этим первый московский боярин и разберется...

– Считаю, что разобрались... – сквозь зубы презрительно цыкнул князь Патрикеев... – Давай, по сути дела...

– А теперь по сути... – Геннадий обвел немигающим взглядом по очереди митрополита и князя. – ...Обретал в Киеве такой ученый иудей Захария, толкователь каббалы, астролог и чернокнижник... Пристроился он к киевским князьям Олельковичам... С ним еще пять тайных ученых иудеев-чернокнижников, Моисей Хануш, Иосиф Шмойло, другие... Опутали Алексия с Дионисием, из окружения епископа Феофила. И вдруг те в Москве в Успенском и Архангельском соборе оказались – с чего бы это?.. Да вот злые языки утверждают, уж больно все к стати вышло: настало время Ивану Младого невесту искать. И нашли Елену Волошанку, с иудейской кровью в жилах... А у иудеев по крови матери передаются иудейские корни ребёнка, значит, и сын Ивана Младого и Елены Волошанки, Дмитрий-внук тоже иудей... Но то по крови, а есть ещё и иудейский дух и вера иудейская; к ним можно тоже, оказывается, приобщиться... Так вот о приобщении духовному Елены Волошанки к секте тайных иудеев... Учителем тайных иудеев в Киеве был именно Захария, умом проницательный и хитрый, языком острый, взглядом проницательный. Двадцать лет тому назад в свите того же князя Михаила Олельковича попал он в Новгород и быстро оболестили двух священников из Святой Софии, Алексия и Дионисия... Алексий назвал себя в честь пророка Авраама и превратился в Алексия-Авраама, жену свою стал именовать Саррой... На пару с Дионисием развратили они в Новгороде множество духовных и мирян, среди коих находился и протоирей Софийского собора Гавриил, сын знатного новгородского боярина Григорий Тучин... Вот так в Новгороде завелась жидовская ересь. Была ли нужна такая ересь Москве и государю?.. Нужно ли государю, что его невестка

стоит во главе еретической партии, а внук Дмитрий, окажись на престоле, по праву может называться иудейским царем. Вот какой я вопрос задам первому московскому боярину...

Патрикеев нахмурился и покачал головой.

– Не знаю...

– А я знаю, нужна была такая иудейская партия в Новгороде, потому что она противостояла литовской боярской партии Борецких, а сам Алексей, как мне лично рассказал наш опальный владыка Феофил, был тайным агентом государя и содействовал безмерно низвержению и Борецких, и самого Феофила... Недаром Алексей и Дионисий снискали особое расположение и милость государя, раз он одного за помощь в покорении Новгорода сделал протоиреем Успенского собора, а другого протоиреем Архангельского... Не так ли, митрополит?.. Ты же оказался первым другом и учеником Алексея...

Зосима что-то недовольно пробурчал себе под нос, но сделал вид, что это его мало касается: мало ли какие существуют на свете домыслы пакостные...

– А через Алексея-Авраама, его присных иудея Моисея, боярина Мамона... – Геннадий криво усмехнулся и спросил Патрикеева. – Помнишь такого знатного боярина и купца, князь?..

– Помню, помню... – кивнул головой князь. – Не отвлекайся от сути главной, епископ.

– А я вроде и не отвлекаюсь... Прямым ходом иду к ней... Алексей, Мамон, дьяк Курицын и тайный советник Менгли-Гирея иудей Моисей устроили брак Елены Волошанки и Ивана Младого. А дальше – дело нехитрое соблазнили иудейской верой Елену Волошанку, через её духовников в Москве, сначала Алексея, потом Ивана Максимова, и, в конце концов, вовлекли в секту тайных иудеев. Каково?.. Елена и по крови материнской была уже иудейкой, так её и через секту сделали тайной иудейкой по духу.

– Как это тайной иудейкой? – поморщился, как от зубной боли, князь Патрикеев.

– А вот так... Захария и Алексей-Авраам легко и быстро размножали число своих учеников новгородских и московских только по одной причине... Знаете, какой?..

Митрополит Зосима и князь Патрикеев напряженно молчали и недоброжелательно поглядывали на разговорившегося велеречивого епископа Геннадия.

– ...Мудрость и хитрость учителей тайных иудеев в Новгороде и Москве заключалась в том, что в превосходстве иудейства над христианством им служили не Талмуд и Тора иудаизма, а каббала астрологов, нумерологов и чернокнижников... А каббала есть весьма пленительная наука для невежд воинственных и любопытствующих безумно, тем более что тайные иудеи с помощью каббалы и её составляющих, астрологии, нумерологии и прочих умствований хотели разрешить все загадки и жгучие тайны ума человеческого... Ещё бы, тот же Алексей в споре со мной уверял, что в основе «Зоухара» учителя тайных иудеев Моше де Леона сведены древние предания о Древе Жизни, дошедшие до нас от пророка Моисея, говорившего с Господом... А я ему в богословском споре отвечал, откуда я знаю с кем говорил Моисей, может, с духом, может, с сатаной... Алексей уверял, что служители каббалы имели книги, полученные Адамом от Бога. А я возражал, что в книгу вместо Адама вписал свои каракули какой-нибудь жид-меняла или купец, работая под Адама, Моисея, Авраама или Соломона... Алексей уверял меня в том, что «Зоухар» вобрал всю мудрость Соломонову, что, познав её, можно изъяснить с помощью Древа Жизни в каждом человеке как Вселенной сны, угадывать будущее, повелевать духами... А я ему в ответ: вот ты мне рассказываешь, как с помощью тайных знаний Моисей восторжествовал над египетскими фараонами и волхвами, как Илия повелевал огнем небесным, молниями и громами, как Даниил смыкал челюсти свирепым львам... А ты скажи, раз такой мудрый, что будет в «последних временах» с государем, великими княгинями Софьей, Еленой, Иваном Младым, Дмитрием-внуком, с самим тобой, Алексей?..

– Сказал?.. – мрачно спросил Патрикеев.

– Какой там... – покачал сокрушительно головой Геннадий. – Если бы угадал хоть в нескольких случаях, я бы сам в его веру перешел... Ан, нет... Уходил от ответа, отшучивался...

Хотя в одном он меня напугал, говоря о себе, что принесёт себя в жертву ради воцарения Дмитрия-внука... Сказал, что он принесёт себя – вместе с великим грешником Мамоном, между прочим – в жертву, поэтому Дмитрия-внука торжественно коронуют... Это меня напугало и расстроило... Я, действительно, буду всегда против Елены и её сына, всегда до упора буду идти за Софьей с Василием... А потом я подумал так. Если даже коронуют Дмитрия, – ну и что?.. Что наш спор богословский закончен? Что Русь превратится во второй Израиль? Это, возможно, когда Дмитрий-внук станет государем, когда... Ну, ясно, что тогда будет с Софьей с Василием, да и со мной тоже... А пока спор наш с Алексием не завершён... Что мне с того, что Алексей доказывал мне: весь Ветхий Завет исполнен тайных хитрых иносказаний, там уже всё сказано... А я ему: всё, да не всё... Он перед смертью уверял меня, что может сотворить чудо посредством некоторых слов Библии и Зохара... Я ему сказал сотвори хоть одно. Он усмехнулся и сказал мне так: «Йхвх! Я ЕСЬМ Свет, сияющий Свет, Лучистый Свет, усиленный Свет, Бог поглощает мою тьму, превращая её в Свет. В сей день Я ЕСЬМ фокус Эйн Соф, сквозь меня течет кристальная река, живой фонтан Света, который никогда не может быть окрашен человеческой мыслью и чувством... Я ЕСЬМ Свет, я живу в Свете. Я ЕСЬМ Света измерение полнейшее, Я ЕСЬМ Света намерение чистейшее, Я ЕСЬМ Свет, заливающий мир повсюду, куда прихожу, благословляя, укрепляя и передавая Замысле Древа Жизни и Царства Небесного». Больше я Алексия не видел, он, как и обещал, принес себя в жертву Дмитрию-внуку ради его коронования, ради Царства Небесного и Израильского царства на Руси... Это был сильный соперник... недаром его ценил и уважал государь...

Патрикеев, видя, что Геннадий задумался в благоговейном отрешении, не сразу решился прервать размышления Геннадия о жертвенном Алексии-Аврааме и о таком же жертвенном грешнике-богатее Мамоне, но потом всё же пробасил:

– А что тебе стоит, епископ, принести себя в жертву, по примеру Алексия, княжичу Василию-Гавриилу – как, не слабо?

Епископ вспыхнул румянцем и вспылил:

– Смеётся тот, кто смеётся последним! Посмотрим, кто из нас последним посмеётся друг над другом...

Митрополит Зосима, слушавший Геннадия с неподдельным интересом, заметил нравоучительно:

– Господь не оставляет свою милостью праведников и лишает милости неправедников... Не в том смысл, кто из вас посмеётся друг над другом, а в том смысл, что когда-нибудь никто не будет смеяться, оценив земные дела – смеха ради! – из горней выси как суета сует...

– Устами бы твоими мёд пить, святой отец... – обрадовался мудрости митрополита князь-боярин Патрикеев.

– Уж что-что, а меда распивать святой отец Зосима всегда горазд был. – сострил без тени улыбки Геннадий перед холодным расставанием.

Перед последним заседанием собора многие из духовных думали, что избалованные еретики будут сурово наказаны. Зосима на соборе не дерзнул покровительствовать еретикам, соблюдая наружную пристойность в сочувствии своим тайным друзьям. Собор действуя согласно с княжьей волей властителя Ивана Великого еретиков осудил только на заточение, отказавшись от казней. Такое решение было достаточно человеколюбивым. Всех обвиняемых признали виновными, а священников лишили сана. Первое судилище соборное над тайными иудеями завершилось тем, что всех новгородских еретиков отправили в Новгород и выдали Геннадию.

Тот был преисполнен рвения в наказании. Геннадий велел посадить еретиков на коней, лицом к хвосту, в вывороченной наизнанку одежде, в шлемах шутовских из бересты, какие обычно изображаются на бесах и чертях, с мочальными кистями, с венцом соломенным и с

унизительными надписями: «Се есть воинство Сатаны». Несчастных еретиков и вольнодумцев на их позор возили по новгородским улицам. Возбужденный народ плевал им в глаза и терзал их плоть с восклицаниями: «Се враги Христовы». Под конец добровольные палачи с радостью зажгли на головах осужденных бересту. Сожгли шлемы берестяные, еретиков всё же не сожгли, боясь государева гнева. Иван Великий запретил сжигать живьем людей, пусть и еретиков!..

Многие из московских еретиков были замучены втихую в темницах. Многие, зная о судьбе еретиков в Новгороде и Москве, хвалили Геннадия за радение христианское, некоторые даже осуждали государя за излишнее, по их мнению, милосердие государя, за нежелание его употребить огонь для истребления ереси на Руси.

Князь Патрикеев был не из тех, кто осуждал государя, наоборот, он точил зуб на приткого епископа Геннадия, решившего пожить и порезвиться на мучениях еретиков. Кому-кому, как не ему, стоявшему во главе боярской думы, большинству московских бояр, поддерживавших старые порядки, законную тверскую династическую ветвь были противны и Геннадий с консерваторами, и римлянка Софья с её скрытыми и явными латинянами.

Патрикеев встретился со своим старым другом князем Ряполовским сразу после известий из Новгорода, как люто поиздевался над осужденными собором новгородскими еретиками.

– Резвится Геннадий Новгородский... Укорот ему требуется... – сказал хмуро-хмуро Патрикеев.

– Найдём укорот, если нам его быстрее не найдут... – ответил также мрачно Ряполовский.

– Хоть Федора Курицына с Иваном Максимовым спасли от судилища и приговора собора...

– Государь спас Курицына не потому, что разделял его взгляды вольнодумца. Суд над ближним дьяком государя мог бы скомпрометировать весь двор государев...

– Это точно... Ниточки потянулись бы к Елене Волошанке от Курицына с Максимовым... Не отвертелась бы Елена, и тень на государя самого упала... И всё лихом бы обернулось...

Ряполовский глубоко задумался и с тревогой в голосе сказал:

– Прошло золотое время, когда князьям и боярам надобно было государю одному преданность высказывать и показывать её на деле. Сейчас в объединении враждующих партий вокруг Софьи с Василием и Елены с Дмитрием победят и уцелеют те, кто первым удар нанесёт, кто преуспееет в интригах...

– Да кто ж сравнится с Софьей в её природном византийском коварстве записной интриганки... Или попробуем порубиться с латинянами?... – спросил, блеснув очами Патрикеев.

– Поживём – увидим... – как любил шутить в добром нраве великий князь Василий Тёмный... Так мне батюшка с дядюшкой сказывали, которые приняли сторону Василия Тёмного в его борьбе с Шемякой и скрывали у себя будущего государя Ивана Великого... – хохотнул Ряполовский и пояснил подзабывшему другу. – Ещё мальчонкой... ещё до обручения его, семилетнего, с такой же невестой Марией, дочкой Бориса Тверского...

Патрикеев перекрестился.

– Чудны дела, тобой творимые, Господи, что тогда, что сейчас... сейчас более чудные... Жди заговоров и новых государевых заточений с казнями...

– Жду с содроганием души...

2. Конец Андрея Большого

Государь не хотел худа своей Отчизне, содрогающейся в мятежах и смутах. Старался, но не мог простить в душе своих младших братьев Андрея Большого и Бориса, поднявших перед самым «стояньем на Угре» свои мятежные полки против Москвы и брата-государя. Воспользовавшись затруднительным положением государя, Андрей Большой принудил брата поделиться вымороченным уделом умершего князя Юрия – Можайском и Угличем. Государь знал безмерную любовь своей матери, инокини Марии к Андрею Большому; перед смертью она ему завещала множество своих волостей великой княгини. Но смертью княгини-матери разрывался крепкий узел родства, скрепленный материнской любовью, оставляя недоверчивость, подозрительность братьев.

Государь узнал о сношении брата Андрея Большого с Михаилом Тверским, перед самым изгнанием того из Твери в Литву. Потому и взял в 1486 году клятвенную грамоту с брата не сноситься ни с королем Казимиром, ни с изгнанным тверским князем, ни с Новгородом, ни с Псковом. Государь сильно опасался тайной связи своих братьев Андрея Большого и Бориса с Михаилом Тверским – это было опасно для престола. Андрей Большой догадывался, что могло пугать и терзать государя в установлении такой связи. Прежде всего компрометация великой княгини Софьи с её неприглядной ролью в выдаче тверского приданого сестры Михаила, Марии Борисовны, за свой собственный подарок – византийское приданое – племяннице Марии Палеолог с Василием Удалым.

Как велики были недоверчивость и подозрительность между братьями, лучше всего доказывает одно печальное происшествие, случившееся за полтора года до трагической смерти Ивана Младого. Тогда в 1488 году Андрею Большому его боярин Образец неожиданно объявил, что государь хочет схватить его, возможно, прослышав про его тайные сношения с Михаилом Тверским. Андрей Большой тотчас же собрался бежать в Литву к королю Казимиру, но одумался и связался с главой боярской думы Иваном Юрьевичем Патрикеевым, умолял спросить у государя: «Чем он заслужил гнев его?». Патрикеев не дерзнул вмешаться в дело столь деликатное, сколь и опасное, в хрупких братских взаимоотношениях, подпорченных многими взаимными подозрениями и упреками.

Тогда Андрей Большой набрался смелости и сам явился к брату, желая лично от него знать его вину. Кроткий и растерянный вид потрясенного младшего брата поразил государя. Как писали о том происшествии летописцы, «государь поклялся Небом и Землёю и богосильным Творцом всей твари, что у него и в мысли того не было». Поразило младшего брата, как внимательно старший брат вглядывался в его глаза, словно выпытывая, – знает ли он что-то тайное и нелицеприятное про великую княгиню от литовских изгнанников Михаила Тверского, Василия Удалого, Марии Палеолог?.. Облегченно удостоверившись в неведении Андрея Большого, государь лично велел доискиваться, откуда разнесся такой слух, требовал найти клеветника.

Андрей Большой вынужден был указать на своего боярина Образца. Когда стали допытывать Образца, тот указал на сына великокняжеского боярина Татищева. Последний под страхом казни признался, что, желая подшутить над Образцом, да и подозрительным Андреем Большим, сболтнул, не думая о таких последствиях. Государь, успокоив брата, на этом не успокоился: велел отрезать Татищеву язык, чтобы тот так зло не шутил больше. Однако за шутника стал печалиться митрополит, ходатайство митрополита спасло несчастного; ему не стали вырывать язык, просто высекли кнутом в назидание потомкам: «Нечего зло шутковать и трепать языком, как грязным помелом».

В 1491 году, узнав, что на союзника Менгли-Гирея идут татары с востока, государь выслал свои московские полки к нему на помощь, веля и братьям своим, Андрею Большому и Борису

отправить своих воевод с войсками, как было ранее предусмотрено по договорным грамотам. Борис послал свои полки и участвовал в великокняжеском походе в помощь союзнику Москвы. Однако Андрей Большой преднамеренно стал тянуть с отправлением своего войска в помощь полководцам Ивановым, князьям Оболенским и Репне, а также крымскому царевичу Салтану, сыну Нордоулата. Собственно, поход закончился ничем, татары осколков Золотой Орды уклонились от боя с московским войском и рассеялись в степях. Зато стратегический союзник Москвы хан Менгли-Гирей ещё раз получил зримые доказательства верности союзническому долгу от государя

Однако своим поступком Андрей Большой вновь возбудил подозрение и недоверчивость государя, не терпевшего от своих подданных, тем более от родных братьев подобного злонамеренного ослушания. Поначалу государь некоторое время скрывал досаду. Но в один прекрасный момент решился поговорить с младшим братом по душам и расставить всё по местам в их братских напряженных отношениях.

Приехав в Москву из Углича 19 сентября 1491 года, Андрей Большой был вызван к государю. Целый вечер братья были у всего двора на глазах, дружески беседовали, лучась добротой и искренностью. На прощанье государь с улыбкой, но со значением сказал брату:

– Надо поговорить с тобой, брат, подальше от чужих глаз... Выговориться, наконец... Чтобы никогда больше промеж нас черная кошка не пробегала...

– Воля твоя, государь... – промолвил Андрей Большой. – Как скажешь... Когда?..

– Я тебя завтра извещу, брат... Жди...

– Буду ждать, государь...

На другой день утром Иван Васильевич послал к Андрею Большому своего дворецкого, князя Петра Шастунова, и позвал брата к себе во дворец на обед. Тот кликнул своих углических бояр и тотчас отправился во дворец. Там Андрея Большого предупредили: государь ждет его одного в столовой палате. Оставив своих бояр, он с тревожно бьющимся сердцем шагнул в палату.

С братом государь поздоровался тепло и искренне, как будто между ними никогда и не пробегала черная кошка.

– После щей начнём разговаривать... Без медов, на трезвую голову... – с улыбкой предупредил брата государь.

– После щей, так после щей... – глухо пробормотал с упавшим в пятки сердцем Андрей Большой.

Неожиданно внутренняя дрожь к стыду Андрея передалась рукам. Что-то внутри трясло и колотило его с первого мгновения, как он только вошел в столовую палату. Но об этом государь мог только догадываться, как и о сердце брата, упавшем в пятку... Но дрожащие руки могли выдать его тревожное состояние... И это одно мучило Андрея Большого больше всего... Он почему-то боялся поднять глаза на брата, отводил их.

– Ну, чего же ты... – сказал государь со смешком в голосе. – Так, брат, и щи остынут... А щи-то не простые... С большим намёком по особому сварены, для размышления...

Наконец-то Андрей Большой взял серебряную, тяжелую ложку, – рука предательски дрожала, когда нёс ко рту капающие на краюху черного душистого хлеба щи. Всё-таки донёс до рта первую ложку, и тут же удивился царапнувшей мозг мыслишки куцей – «щи-то постные и несолёные... к чему бы это».

Давясь, кое-как машинально поднёс ко рту несколько ложек капающих уже на стол постных щец. С дрожащими руками есть было невозможно, и он отставил тарелку. Государь к удивлению Андрея навернул полную тарелку и со смеющимися глазами обратился к нему:

– Не думай, что у меня были другие щи... Такие же постные и несолёные, как и у тебя...

Андрей Большой неопределенно пожал плечами, мол, постные так постные. Государь полюбопытствовал:

– Чего руки-то дрожат?..

– А кто его знает...

– Испытанье тебе и мне Господом послано – дружбу братскую сохранить, устоять против соблазнов измены...

– О чём ты, государь? – неожиданно тоненьким голоском спросил Андрей Большой и стыдливо отвёл глаза.

– Не боишься греха измены, брат? – государь пронзил Андрея тяжелым испепеляющим взглядом.

– Грех тебе, государь, напраслину на родного брата возводить... – с помутившимся взором вывел ангельским, тихим и певучим голоском Андрей Большой.

– Коли греха и укоров совести не бояться, тогда жить легко и просто. А мы, вестимо, православные христиане обязаны греха бояться, и неловко нам живётся с нечистой совестью... Нутро может задрожать, рукам дрожащим тяжело будет ложку ко рту двигать...

– Вон ты куда, государь, повернул, руками дрожащими брата устыдил, усовестил... – Криво усмехнулся и дерзко с бесовскими огоньками поглядел на спокойного брата, печально скрестившего руки на груди. – Может, чтобы меня со свету сжить, заставил припасть к горяченькому...

Хотел Андрей Большой добавить «к горяченькому пойлу, ядом сдобренному», с открытым вызовом насчёт отравления супруги Марии Тверской, да вовремя прикусил свой поганый язычок. На его веку за подобную лихую шуточку Татищеву чуть язык не укоротили...

– Это ты зря, брат, никто тебя не собирается сживать со свету... Чего удумал... Скажи-ка, как тебе щи государевы?..

Почувствовав, что руки уже его не дрожат, нутро его успокоилось, Андрей Большой подумал: «Раз ты требовал, брат, откровенного разговора, что ж, ты его получишь!». Вовремя вспомнил подвернувшиеся под руку народные поговорки и присказки, и прохрипел:

– Государь, твои постные щи из Царьграда пеши шли... А пришли к столу постные щи, хоть порты полощи...

Не обиделся на брата государь Иван Васильевич, спокойно улыбнулся и, глядя прямо в глаза брату, сказал:

– Слава Богу, что ты, брат, успокоился, шутить изволил мне на радость. Не гневайся понапрасну на брата за постные щи, скоро подадут тебе разносолы отменные – натешись. – но тут же подобрался и серьёзно сказал. – На Руси воины испокон веков говорили: «Постны щи да каша – жизнь такая наша». Иль воином государевым давно не был, постных щей не вкушал? Вот тебе и напомнил о твоём воинском долге перед государем.

– Вон ты куда повернул с постными щами... Укорил, что сам не пошел на татар и войско не дал... Так ведь без толку прогулялись полки московские под началом Оболенских и царевича Салтагана...

– Почему без толку?.. Хан крымский ещё раз получил убедительные свидетельства надежности Москвы в старом военном союзе...

– Всё равно Крым когда-нибудь изменит Москве... Вот посмотришь, государь... Не надежные союзники все эти ханы... – срывающимся голосом пробормотал Андрей Большой.

– На моём веку не будет Москве более верного и надежного союзника, чем хан крымский Менгли-Гирей.

– Что верно, то верно... – Андрей дерзко сверкнул очами. – Только сам знаешь, если Дмитрия-внука венчаешь на царство на радость Елене, останется Менгли-Гирей с Москвой, потому что со Стефаном Молдавским давно дружит, как и с тобой... А коронуешь Василия

на радость Софьи, скорехонько отвернётся хан и останется Москва без своего стратегического союзника наедине с королём литовским...

Недовольно покачал головой государь, ненадолго предавшись каким-то своим мыслям. Снова поднял государь глаза на брата и ещё раз посмотрел твёрдо и прямо – в упор.

– Вот мы и до короля дошли, до наших запутанных литовских дел... Теперь поясню, почему тебе поданы были несоленые щи... Чтобы напомнили тебе, что не должно быть в русском братстве слёз после слушания государю, переманки к себе государевых людей, измен и предательств, и как следствие всего этого наказаний тяжких и пролитых слёз. А с тобой, брат Андрей, связано и слушание, и переманка на свою сторону моих людей, к сожалению, слабых и неверных, что только возбуждает нашу обоюдную недоверчивость и подозрительность. – Иван поднял на брата свои грустные глаза, в которых застыл испытующий вопрошающий взгляд. – Так вот, брат, не отводя глаз, скажи честно: сколько раз сносился с тобой изгнанник Михаил Тверской, мой враг и твой друг?

Андрей Большой не отвёл глаз, и государь понял, на этот раз он врать и запыряться не будет.

– Я человек маленький... Грех такого обижать... А обидишь, всё снесу, государь, не привыкать мне стать... – Защебетал Андрей, почему-то размашисто перекрестился, словно клянясь, призывая брата верить своим словам, и выдохнул. – Было такое дело всего пару раз... Как на духу скажу... Один раз до того, как меня боярин Образец напугал тем, что ты намереваешься взять меня под стражу... Так пустяки – списались... Ни о чём серьёзном, Боже упаси, против государя... А второй раз после наушничества Образцова... Когда я чуть было в Литву к королю не побежал спасаться от брата-государя, оковать меня вздумавшего, по словам дурака-боярина, поверившего шутнику Татищеву... – Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла какая-то жалкая, тухлая. – ...От шуточки шута этого скабрёзного... Мунта Татищева... которому чуть язык за то в задницу не засунули... я лыжи в Литву наострил... Но одумался, к тебе для выяснения обстоятельств явился, головой рискуя... Помнишь?

Государь снова сокрушенно покачал головой и перепросил всё тем же спокойным голосом:

– Помню, брат, помню... Как такое не помнить... А больше с Михаилом Тверским не сносился?..

И вдруг Андрей Большой сознался самому себе, что он чуть ли не поклялся брату-государю, нет, уже поклялся, – что таких сношений было два. С ужасом и страшным сердцебиением внутри и сотрясением всех своих поджилок признался прежде всего самому себе – а ведь на самом деле сношений было гораздо больше с тех пор, когда Михаил Тверской приезжал к нему в Можайск и говорил с ним о скрепления их тайного союза против государя. Неспроста укорил брата государь вопросом... Укорил, как ударил, почуяв фальшь в словах брата... Как после таких слов можно верить, вообще. разговаривать дальше, когда всё было: и переманка государевых людей на свою сторону, и сеяние подозрений к государю, и близость к кругу людей, плетущих заговоры против государя... Но ведь пока не было ничего существенного, опасного для брата, так всё – дым, туман, пустое...

И так вдруг захотелось Андрею Большому хоть чем-то тоже укорить государя. Открыв ему глаза на недостойное поведение его супруги, надутой от собственного величия царевны греческой Софьи в деле с тверским приданным князя Бориса Александровича Тверского, подаренном первой супруге государя Марии, впоследствии с его, Ивана, ведома отравленной. Так захотелось устыдить и усовестить братом и его неправым деянием, и корыстолюбием великой княгини Софьи, опустившейся до презренного подлога с тверским узорочьем отравленной соперницы на своём династическом пути...

«Черт возьми, Иван сейчас заставит меня оправдываться, запутает меня и выведет на чистую воду, докажет, что не дважды, а многожды я сносился с Михаилом Тверским и коро-

лем Казимиром, то востря лыжи в Литву, а то готовясь выступить с ними в союзе и заговоре изнутри земель русских... И хитрый старший брат, пользуясь своим положением более сильного, заставит меня ловчить или каяться в содеянном, загнав меня в ловушку злокозненного грешника, которого он когда-то простил... А я на его прощение ответил новой изменой тайной – переманкой людей, сношением с его врагами, плетением заговоров, пусть пока эфемерных, туманных... Только пусть теперь он передо мной оправдывается, передо мной, грешником, которого он сгноить хотел... А сейчас прямо за этим столом он заставит меня каяться в отступничестве, как заставил меня каяться на Угре и после Угры, чтобы кинуть шубейку с государева плеча в виде двух скромных уделов, Можайска и Углича... И он снова хочет моего унижения, жалкого лепета объяснения, моих покаянных слов... И снова милостиво простит, и снова будет держать меня на крючке, и я, как рыба, на воздухе на государевом крючке, буду задыхаться, раздувая жабры, в словах мольбы о прощении и слезах покаяния... Хорошо, братец, тебе тоже придётся пройти через испытание для души... Приготовься держать мой удар... Мне ведь так давно хотелось увидеть глаза потрясенного Ивана, пусть будет то, чему суждено быть...

– Помнишь, брат Иван... – начал он с закрытыми глазами. – Ты нам с Борисом и Андреем Меньшим признался, что никогда не будешь способен убить своих братьев, вообще, даже за дело, не говоря уже о том, чтобы без дела, тем более исподтишка, ударом в спину...

– Помню... – сказал тихим ровным голосом государь. – Но ты, брат уклонился от ответа...

– Мой ответ, по сути, ничего не решает... – ответил также тихим и ровным голосом Андрей Большой, по-прежнему не открывая глаз. – ...Есть вещи поважнее моих сношений с несчастным Михаилом Тверским, братом твоей первой загубленной супруги Марии... Так или иначе о ней, о её тверском приданом скоро пойдёт речь... – Он поднял глаза на брата и увидел, как тот вдруг заметно побелел. – ...Я всегда гордился тобой, старший брат, за то, что нам, своим младшим братьям, ты признался от всей души, что категорически против братоубийства... Из уст старшего брата-государя это много стоит... Это сильнее иной вынужденной клятвы на кресте...

– На вопрос ты так и не хочешь отвечать... – печально выговорил изменившимся голосом государь с усталым бледным лицом.

– Хорошо, скажу, были... Были, были сношения с Михаилом Тверским кроме тех двух раз, о которых я уже говорил. Мы меньше всего в наших сношениях говорили о тебе, тем более враждебных действиях против тебя... Мы сносились по поводу только тверского приданого Марии и византийском подлоге твоей второй супруги, римлянки Софьи, ненавидящей нас с Михаилом Тверским и Борисом...

Андрей Большой поглядел в глаза брату и понял, что в его душе творится смятение только от одной мысли, что его младший брат Андрей Большой и враг-изгнанник Михаил Тверской, всё зная о подлоге Софьи, все эти годы, тайно от государя сносились друг с другом, словно щадя щепетильность и гордыню государеву, непререкаемую уверенность в жене – византийской царевне...

Бледность на лице Ивана стала просто смертельной... Действительно, когда-то он, старший брат взывал к совести младшего. А теперь младший брат взывает к совести старшего... И тут в голосе Андрея Большого зазвучали металлические нотки:

– Речь пойдет о родовом драгоценном саженье из приданого твоей первой супруги... Из-за него ты изгнал своего лучшего воина Василия Удалого вместе с Марией Палеолог – не жалко?..

Государь ответил странно и без полагающегося в подобных случаях напора и уверенности в себе:

– Тебя, брат, жалко...

Андрей Большой отрезал:

– Нечего меня жалеть... Нечистый с левого плечика плюнул в сторону корыстной римлянки... – Андрей понял, что он переходит последнюю грань, за которой неизвестно что будет, может, смерть, может, заточение и медленное или быстрое умерщвление... и он перешел эту грань. – ...И твоя вторая супружница Софья, покушаясь на память твоей отравленной первой супруги Марии Тверской, вдруг, в тайне от супруга-государя, выдаёт тверское приданое Марии за своё византийское приданое... Не понимая, что позорит, унижает супруга перед его близкими, потомками... Выдавая «тверское» приданое Марии за своё – «византийское» – для своей племянницы и несчастного, ничего не подозревающего Василия Удалого... Слава Богу, что твой покойный сын Иван при жизни не узнал, как жадная царица осмелилась выдавать ожерелье тверской законной династии, его отравленной матери, за своё – византийское приданое племяннице Марии. Узнай он об этом сейчас, после моих слов брату-государю, он в гробу бы перевернулся...

Государь, из груди которого словно воздух выкачали, опустошенно молчал, не глядя на брата. На него жалко было смотреть, и Андрей Большой отвернулся...

Но государь всё же взял себя в руки, меньше всего думая о судьбе брата, а больше о судьбе престола. Сердце его клокотало от ненависти к Софье. Больше всего убивало государя, что о Софьином подлоге знал брат его жены Марии, враг его Михаил Тверской. Знал, пошел в изгнание, но не ударил словом изгнавшего его государя – пощадил. И пощада тверского князя, и пощада младшего брата Андрея унижала Ивана Великого. Ударяла прямо в незащищенное сердце, убивала такая очень унижительная пощада...

Неожиданно для Андрей Большой государь встал, сказал, что его ждут дела, и что сейчас ему принесут закуски и горячее и, не прощаясь, вышел в другую комнату...

Князь Андрей Большой подумал: «Вот и всё... Радужие исчерпано... Обед завершён... Высокая честь оказана...»

Андрей Большой уже догадывался, что его углических бояр, пришедших с ним во дворец, взяли под стражу. Подумал: «Когда же меня возьмут?», видя, как к нему приближается князь Семён Рязановский с несколькими вельможами.

Действительно, к Андрею Большому как-то неуверенно подошел хорошо знавший его Рязановский с несколькими боярами и весь в слезах в сердцах сказал, как своему лучшему другу:

– Государь, князь Андрей Васильевич! Пойман ты Богом, да государем Великим князем Иваном Васильевичем всея Руси, братом твоим старшим.

Усмехнулся про себя Андрей: «Хоть на такое дело брат послал не какого-нибудь замухрышку. Радуйся, князь Можайский и Углический, твой арест осуществил один из самых видных на Руси приближенных государя, глава думы, получивший одним из первых, если не первым на Руси, титул «князь-слуга» Семен Рязановский».

Андрей Большой старался держаться мужественно, не стал суетно звать брата-государя и объясняться, только горько вымолвил:

– Волен Бог, да государь брат мой старший; а Всевышний рассудит нас в том, что лишаюсь свободы безвинно...

Андрея Большого свели на Казенный двор, оковали цепями и приставили к нему многочисленную стражу из князей и бояр. Вскоре были брошены в переяславскую тюрьму и сыновья Андрея Большого, Иван и Дмитрий, правда, дочерей не тронули. Удел их несчастного родителя перешел к великому княжению. Андрей Большой будет уморен в тюрьме через два года, сыновей, правда, по смерти отца государь выпустит в 1494 году.

В одной старинной русской летописи сохранены слова государя митрополиту Зосиме, когда тот по просьбе боярской думы стал печалиться о заключении князя Андрея Большого и его невинных сыновей. Иван Великий сказал то, что у него давно наболело на душе: «Жаль мне

очень брата, но освободить я его не могу, потому что не раз замышлял он на меня зло, потом каялся, а потом опять начал зло замышлять и людей моих к себе притягивать. Это бы еще ничего, но когда я умру, то он будет искать Великого княжения подо внуком моим, и если сам не добудет, то смутит детей моих, и станут они воевать друг с другом, а татары будут Русскую землю губить, жечь и пленять и дань опять наложат и кровь христианская будет литься, как прежде, и весь мой труд останется напрасным, и все будут рабами татар».

Горьки слова «и весь мой труд останется напрасным» 51-летнего государя, познавшего фунт лиха во время ослепления своего отца, Василия Темного, во время собственного пленения в малолетстве со своим братом Юрием, претендентом на престол Шемякой, освобождения благодаря трудам епископа Рязанского Ионы, помолвки в семь лет с Марией под давлением её отца Бориса Тверского, супруга княгини Анастасии Можайской.

Горьки слова – «когда я умру, то он будет искать Великого княжения подо внуком моим, и если сам не добудет, то смутит детей моих» – старого государя, познавшего в своей длинной нелёгкой жизни череду измен и предательств близких ему людей. Очевидно, что сразу после времени ареста брата Андрея Большого 8-летний Дмитрий-внук стоит у Ивана Великого на первом месте в династической иерархии. Его государь мыслил сделать своим соправителем и великим князем, как когда-то сына Ивана Младого после того, как брат открыл ему глаза на корыстную супругу Софью, пошедшую на низкий подлог с тверским узорочьем и мечтавшую возвести на трон византийскую династию в лице своего отпрыска Василия.

После государева унижения откровениями Андрея Большого для Ивана Великого уже в первой половине 1490-х годов важнейший династический вопрос: «Кому наследовать престол – внуку Дмитрию или сыну Василию?» однозначно решался в пользу Дмитрия внука на радость Елены Волошанки и на горе Софьи Палеолог...

Но, если бы Иван Великий захотел бы сосредоточить государево внимание на старинных русских лествичных обычаях, если бы он справился с киевскими, владимирскими и московскими летописями, то практически везде нашел одно и то же. Что всегда внук должен быть отстранен от старшинства, потому что отец его умер прежде своего отца, потому что внук не являлся уже старшим в княжеском роде. Следовательно, после смерти своего сына-соправителя Ивана Младого, его сын Дмитрий уже не был братом своему дяде Василию, но только племянником, или «сыном», несмотря на пятилетнюю разницу в возрасте.

Но, государь, негодуя на жену «корыстную римлянку» Софью, после откровений брошенного в темницу брата Андрея Большого пытался найти и другие логические объяснения своего предпочтительного выбора в пользу возведения на престол Дмитрия-внука в обход Василия Софьиного. Прежде всего, с одной стороны таким выбором сохранялись прежние политические выгоды военного союза против короля Казимира вместе с дедом Дмитрия-внука, господарем Стефаном, а также с ханом Менгли-Гиреем. С другой стороны, обожаемый государем отец Дмитрия-внука, Иван Младой был при жизни отца уже великим князем, соправителем, равным государю, следовательно, старшим в роде. Потому даже по прежним лествичным правилам скоропостижная смерть обожаемого в Москве Ивана Младого, по разумению старого государя, не лишала его сына Дмитрия права на старшинство в великокняжеском роде.

К тому же государю, когда ему открыл глаза родной брат, такой же претендент на престол, на недостойное поведение супруги Софье, представлявшей всю византийскую династическую ветвь, не было нужды дотошно следовать старым родовым счетам. И при этом отдавать должный пиетет коварным византийским традициям, цепляться за большую знатность Палеологов по сравнению со знатностью господаря Стефана Молдавского. Со времён московских предков, многие великие князья шли наперекор изжившей себя лестнице старинной, отдавая преимущество племяннику над дядей. Вот и Иван великий, верный новым московским преданиям и традициям в начале 1490-х годов готов был отдать, нет, просто и прямо отдавал преимущество

племянника Дмитрия над дядей Василием, своим сыном от Софьи, нечистоплотностью которой он был уязвлен...

Но в 1491 году, за считанные месяца до «конца света» в последних временах, когда Дмитрию-внуку не было ещё и восьми лет, а Василию-Гавриилу было всего тринадцать лет, больше всего следовало опасаться непутевых родных братьев, Андрея Большого и Бориса, особенно первого. Государь, действительно, при малолетних Дмитрие и Василии, больше всего боялся «неисправления» и измены претендента на престол брата Андрея Большого в 1491 году, как раньше удельного князя Ивана Можайского. Он боялся замыслов Андреевых после своей смерти, проницательно предвидя, что тот сам может взойти на престол. Что с его заговорами и переманкой государевых людей с его ведома могут случиться страшные разрушительные усобицы между Дмитрием-внуком и сыном Василием, когда Андрей Большой сможет играть на чувствах тщеславных матерей-царевен Софьи и Елены, используя ту же историю с «тверским приданым» – узорочьем покойной Марии Тверской – в своих корыстных интересах...

«...и станут они воевать друг с другом, а татары будут Русскую землю губить, жечь и пленять и дань опять наложат и кровь христианская будет литься, как прежде...» Не хотел государь, чтобы было, как прежде... Потому и брата бросил умирать в темнице, чтобы после гибели его остаток жизни каяться...

3. Интриги и сношения

Случай с Андреем Большим, даже под угрозой заточения и исчезновения дерзнувшим открыть глаза старшему брату на корыстную супругу, естественно, возбудил в государе мгновенную бурную, яростную ненависть к Софье. В пылу гнева государь, при резком объяснении на грани окончательного разрыва, даже бросил в лицо страшное обвинение супруге Софье:

– Раз ты оказалась способной пойти на подлог с тверским приданым Марии, выдав его за своё византийское приданое... то, глядишь, ты и к гибели сына Марии могла быть причастна... Ненавижу...

Софья вся собралась в яростный комок ответной ненависти к супругу, в силу ряда причин отринувшего законную византийскую династическую ветвь и сделавшего ставку на тверскую династию убитого Ивана Молодого. Она была близка к апоплексическому удару, когда прошипела:

– Ненавидь... ненависть схлынет... А на престоле должен сидеть твой и мой первенец Василий-Гавриил, зачатый по воле святителя Сергия Радонежского... – Она хотела что-то добавить, но нахлынувшие спазмы рыданий не позволили произнести ей ни слова. Государь, видя, что та в состоянии аффекта близка к глубокому обмороку, только раздраженно махнул рукой, и вышел, вызвав Софьиных служанок.

Но эта мгновенная государева ненависть не могла быть безответной. Как камень, сорвавшийся с вершины горы, способен вызвать камнепад и губительную лавину, так и презрительные негодующие слова, обращенные к царевне-римлянке, вызвали стремительную ответную лавину византийских интриг, возбудив с тех пор в Софье Палеолог ненависть к официальному государеву престолонаследнику Дмитрию-внуку и к своей династической сопернице Елене Волошанке.

Пока был жив отец маленького Дмитрия, великий князь Иван Младой, обожаемый государем Дмитрий-внук не представлял никакой непосредственной угрозы для «римлянки» Софьи. Однако после смерти Ивана Младого, заточения Андрея Большого, выборе официального преемника государя и признании в ненависти Ивана Васильевича к супруге, Дмитрий-внук превратился в серьёзное препятствие на пути Софьи и её сына Василия-Гавриила к московскому престолу после смерти государя.

После государева выбора себе в преемники семилетнего Дмитрия-внука любовь его к милому добродушному ребёнку сделалась столь велика, что Софья даже стала открыто досадовать, что государь перестал обращать внимание на двенадцатилетнего сына-первенца Василия и других их детей. Софья имела и другую причину досадовать на Дмитрия-внука, поскольку считала, что Василий происходит от более родовитого царского корня, ему, а уж никак не Дмитрию-внуку, по праву принадлежал герб Византии, Восточной Римской империи, и Софья чуть ли не каждый миг внушала послушному ей сыну Василию самое высокое мнение о своём происхождении, своих царских правах на трон.

До Софьи доходили дворцовые слухи, что, тем не менее, находились многие другие знатные московские вельможи, и их было явное большинство, считающие, что по праву справедливости, престол должен принадлежать Дмитрию-внуку, сыну всеми любимого великого князя Ивана Младого из старинной тверской и можайской великокняжеской династии. Доходил и другой боярский отзыв о новом порядке вещей, принесённом Софьей из Константинополя и Рима:

«Как пришла в Москву римлянка, а с ней греки и венецианцы и прочие латиняне и униаты, вся Русская земля замешалась, а дотоле что Русская земля, что её новая столица Москва жили в тишине и миру. С римлянкой в замешение пришли перемены великие и странные для Руси Святой, обычаи новые, как при царях византийских, и разброд из-за латинян и униатов;

недаром жидовская ересь в противовес им объявилась и прыщом на теле русского православия выскочила. Жалко Русь Святую уходящую в небытие в нестроении... Которая земля перестанавливает и изменяет свои обычаи, та земля не долго стоит, переменам противясь, а с переменной обычаев и устоев жизни одна суета сует и разор грядущий... Лучше старых обычаев и традиций держаться, а их можно соблюсти лишь при воцарении старинной тверской и можайской династии Дмитрия-внука, но никак уж при византийском династическом смущении русских земель и народов... Лучше Дмитрия-внука со старинными обычаями держаться, чем Василия в грядущих новых замещениях и смущениях... После византийских перестановок обычаев и традиций, глядишь, при Василии из византийского и римского корня устранился и влияние родовитых бояр на дела государевы, так и без боярской думы и, вообще, без бояр обойтись можно... А потом можно будет в византийском смущении и родичей губить, и уделами овладевать, и боярам и дворянам некуда уже будет со своей русской земли отъехать...»

Честолюбивые великие княгини Софья Палеолог и Елена Волошанка скрыто ненавидели друг друга, но на людях при дворе не подавали вида, скрывали чувства за маской показушного радушия и бьющей через край приветливости и улыбочивости. Маленькие княжичи двух матерей, непримиримых соперниц, окруженные каждый своим кругом, росли сами по себе, не таясь высказывая свою нелюбовь друг к другу.

Великие княгини только раз предприняли попытку силой заставить своих сыновей, Дмитрия и Василия поиграть вместе в их высочайшем присутствии. Только что из этого получилось, когда великие княгини мило и ни о чем пикировались между собой?..

В детской игре на интерес Василий, который был старше на пять лет Дмитрия, попытался тут же подчинить того:

– ...Ах ты, мерзкий плут-племянник, решил своего дядю объегорить... Я же твой дядя, и меня нельзя побеждать, потому что племянник всегда обязан поддаваться...

– Ну и что – что дядя... – невозмутимо парировал смысленый Дмитрий-внук. – Правила в игре для всех одни писаны...

– Ах, так... – с невыразимым отвращением к сопернику вознесся Василий. – Даже в игре, не говоря уж о престоле, дядя всегда должен быть выше племянника... – Правда, матушка?.. – Обратился он к сидящей в углу великой княгине Софье.

Та попыталась замять искорку конфликта и ответил как можно сдержаннее:

– Пусть сама великая княгиня Елена скажет, кто сейчас старше в Русском государстве в соперничестве за престол: дядюшка над племянником или племянник над дядюшкой?.. Всё здесь давно перепуталось... То один выше, то другой... никакого порядка...

Елена посмотрела внимательно на играющих детей и не пожелала вдаваться в тонкости русского права династических противостояния, хотя и догадывалась, что такое право всегда на стороне самого сильного. Сказала со смешинкой в голосе, обращаясь к оторвавшимся от игры детям:

– Даже в игре надо соблюдать установленные правила... Без правил, что в детской игре, что на престоле – одна смута и слёзы с кровью...

Маленький Дмитрий недолго размышлял над словами матери, обращенными, как он предполагал, к нему. Надулся, набылчился, хотел было смолчать и смириться с откровенным жульничеством старшего по возрасту, но не по иерархическому положению династического соперника Василия. Но потом, словно подбодренный испытующим взглядом матери, громко и с вызовом сказал:

– Играть надобно честно и по правилам... И проигрывать надобно честно и достойно... А коли ты, Василий, решил выигрывать бесчестно, то играй один или со своей бесчестной матушкой дуйся до посинения...

Толстая Софья при этих словах страшно покраснела и выскочила за дверь, громко и вызывающе хлопнув дверью. Елена взяла сыну за руку и, не торопясь, с достоинством вывела его из детской. С Василием холодно попрощалась кивком головы... Это было ещё до ареста Андрея Большого и вспышки ненависти государя к римлянке Софье...

С тех пор Василий и Дмитрий при встрече друг с другом почти не разговаривали. Матери же их при дворцовых встречах – однако! – по-прежнему радушно и приветливо улыбались друг другу, тайно и безнадежно мечтая о выборе государя в пользу их детей, втихую ненавидя друг друга...

Препятствие на пути Софьи с Василием в виде государевой ненависти к супруге и малолетнего Дмитрия-внука римлянке можно было устранить только отчаянными мерами, а именно, постоянными интригами и даже боярским заговором с целью убийства одновременно государя и внука, а можно и по отдельности. Можно для начала было использовать втёмную Казимирову ненависть к Москве и государю...

В своих интригах за собственное первенство Софья использовала свои связи и влияние на западе, в Священной Римской империи, тем самым как бы помогая мужу в международной дипломатии, в установлении выгодных Москве союзов. Ведь Иван Великий, ведя пограничные «малые войны» в Смоленской земле с королём Казимиром в конце 1480 – начале 1490-х годов, параллельно создавал дипломатическую осаду Литве на тот случай, если эта малая война быстро перейдет в большую и кровопролитную.

Помимо налаженных союзов с господарем Стефаном Молдавским и ханом Менгли-Гирея, полезных переговоров и союзнических намерений с венгерским королём Матфеем, государь попытался наладить связи со Священной Римской империей германского короля и императора Фридриха III Габсбурга. Для зондажа уже в 1486 году Москву посетил немецкий посол, князь Николай Поппель, чтобы на месте ознакомиться с ситуацией в Русском государстве. Правда, он прибыл с письмом Фридриха без всяких целей и серьёзных намерений, из чистого любопытства.

Он так и признавался всем и всякому спрашивающему его в Москве и за границей: «Я видел все земли христианские и всех королей их... Желая узнать Русское государство и великого князя Ивана...» Поначалу бояре и даже великая княгиня Софья ему не верили, подозревая, что тот подослан с каким-нибудь злым намерением королем Казимиром. Были холодны с послом и не расположены для глубоких бесед и контактов. Но зимой 1489 года он возвратился в Москву уже в качестве официального имперского посла с новой грамотой от Фридриха и сына его, короля римского, эрцгерцога австрийского Максимилиана. Здесь уж его встретили ласково московские бояре во главе с Иваном Юрьевичем Патрикеевым, Даниилом Холмским. К тому же по его возвращению на него положила свой цепкий материнский взгляд великая княгиня Софья. Оказывается, ещё в прошлый визит посла через посредников намекнула от своего имени начать переговоры с первыми лицами империи относительно устройства судьбы своей дочери Елены.

Посол Поппель подробно разъяснил многое из непонимания своего высокопоставленным боярам, просил их устроить новую встречу с государем Иваном: «В прошлый раз, выехав из Москвы, я нашел императора и князей германских в Нюрнберге; беседовал с ними о стране вашей, о великом князе Иване, и вывел их из заблуждения: они все думали что он есть данник короля Казимира. «Нет, – сказал я. – Государь московский сильнее и богаче польского; держава его неизмерима, народы многочисленны, мудрость знаменита». Одним словом, самый из усерднейших из слуг Ивановых не мог говорить об нем иначе, ревностнее и справедливее. Меня слушали с удивлением, особенно император, в час обеда ежедневно разговаривая со мной. Наконец, сей монарх, желая быть союзником русского государя, велел мне ехать к вам послом со многочисленною дружиною».

Посол и перед государем продолжал оправдываться, доказывая в который раз свои самые высокие нынешние – официальные – полномочия императора при отсутствии оных в прошлый визит: «Ещё ли не верите истине моего звания? За два года я казался здесь обманщиком, ибо имел с собою только двух служителей. Пусть великий князь пошлет собственного чиновника к моему государю: тогда не останется ни малейшего сомнения».

Государь внимательно выслушал посла и выражением лица показал тому, что сомнений насчёт него у него уже не имеется. «Верю, верю... Что хочет император Фридрих?» – прямо без околичностей спросил государь Иван.

Тот деликатно улыбнулся, желая понравиться заранее до своего предложения. «Великая княгиня Софья предложила через своих посредников ещё в прошлый раз просила меня разрешить вопрос об устройстве судьбы царевны Елены. Так вот... Ради союза императора и государя мне именем императора Фридриха ныне велено сделать предложение государю выдать его дочь, Елену или Феодосию, за Албрехта, племянника императора. Император желает видеть невесту своего племянника...»

Государь невольно поморщился, услышав имя супруги Софьи в контексте речений посла, но про себя подумал, что правильно мыслит его хитрая и мудрая великая княгиня, взявшись ранее великого князя за устройство судеб своих дочек. «– У нас так сразу с бухты-барухты не принято везти государеву дочку неизвестно куда... Такое возможно только после заключения с императором союзного договора...»

Государь вызвал тут же ближнего дьяка Федора Курицына и отвечал через него: «Вместе с послом германским пусть отправится в Германию посол московский, коему велено будет изъясняться о сем с императором... Кого пошлем, Федор?...»

«Моего брата, Ивана Волка Курицына, можно государь... Пусть набирается опыта в посольских делах... Только, насколько я наслышан, великая княгиня Софья для такого императорского дела желает послать с Поппелем своего доверенного грека Юрия Траханиота, выехавшего с ней когда-то из Рима... Наверно, грека надобно посылать... У него старые связи есть на западе, к тому же, он пользуется особым расположением княгини...»

– Ты прав, с греком послу будет удобнее, поскольку тот является личным поручителем известной на западе византийской царевны, обретшей в Москве новую родину и нарожавшей государю кучу женихов и невест для тамошних властителей... Добро... – согласился удовлетворенный государь. – Объясни только послу, чтобы зря не обижался... Что обычаи наши русские не позволяют раньше времени... – Он подмигнул понимающе своему ученому опытному дьяку, мол, после договора союзного можно, а раньше – только курам на смех. – Раньше положенного времени показывать совсем юных неопытных девиц, тем более дочек государевых, дошлым женихам и сватам...

Через какое-то время дьяк Федор Курицын сообщил государю весьма любопытную новость:

– Государь, сообщаю слова Николая Поппеля, которые он передал мне лично, с глазу на глаз. Он приехал в Москву с самыми широкими полномочиями в ранге личного официального посла императора Фридриха Габсбурга, чтобы предложить тебе, государь, королевскую корону...

– А нужна ли она мне, Фридрихова корона? – спросил задумчиво Иван Васильевич и поднял усталые серьёзные глаза на умного доверенного дьяка из своего самого близкого круга. – К чему она меня обяжет, если я её возьму и приму ради прихоти императора?..

– Твоё согласие, государь, означало бы включение Руси Московской в граница Священной Римской империи... Вот к чему корона обяжет... А если дочек, государь, выдашь за их королевичей и маркграфов, то выходит, что империя и претензии на наши земли может предъявить, к тому же на законном основании, по их разумению...

– То-то Софья меня науськивает: бери, коли дают, корону... И дочку Елену, давай, быстрее отдадим... – задумчиво промолвил государь, сокрушенно покачивая головой...

– Принятие короны обяжет тебя, государь, считаться с волей императора и...

– У московского государя своя есть княжья воля... Пусть с ней считаются некоторые...

– Княжья воля государя – для русских Божья воля... – сказал Курицын в полупоклоне.

– Вот именно, Федор. Молодец, что хоть этого не забываешь, за что и ценю тебя, и в обиду никогда и никому не отдам. А то многие с епископом Геннадием не прочь добраться пальцами до твоей глотки. Хоть и вольнодумец ты великий, но государеву линию в политике ведёшь правильно и зрело. Многим надобно бы помнить о сути княжьей воли на Руси...

– Так что будем делать, государь?.. Поппель просит нижайше третьей аудиенции у тебя...

– Пока ничего не говори ему... Приму его... От короны откажусь, но выражу твердое желание заключить с империей Фридриха союзный договор. А после договора и прочих веляний решим и насчёт обручения и брака Елены...

– Как скажешь, государь...

– Вот так, сначала сына Ивана бросил в топку государевых союзов и московской политики... – грустно, с надрывом, комком слёз в горле промолвил государь. – Теперь вот дочку бросаю... Не выйдет с принцем Албрехтом, в другую топку брошу, хоть в Казимирову... ради русских интересов... так надобно Руси... Чего ты понимаешь, Фёдор, в любви отцовской и супружеской государя... Мария Тверская... Софья Палеолог... Иван Младой... вот Елена... звенья трагической цепочки личных судеб, нанизанных на государственные интересы Руси святой... ради её исторического прорыва в ряды самых первых европейских государств...

Впервые в жизни Федор Курицын увидел слёзы на глазах своего государя и отвернулся, чтобы не мучить своё и государево сердце...

А вскоре и Курицын, и многие ближние московские князья и бояре во главе с самыми знатными: Патрикеевым, Холмским и Ряполовским были потрясены сценой «дипломатической тайны» третьей аудиенции, данной послу Фридрихову Поппелю в «набережных сенях» дворца. Государь выслушивал посла, отступив несколько шагов от своих бояр.

– Молю о скромности и тайне... – говорил тихо с придыханием Николай Поппель. – Ежели неприятели твои, ляхи и богемцы, узнают, о чём я говорить намерен, то жизнь моя будет в опасности. Мы слышали, что ты, государь, требовал себе от папы королевского достоинства; но знай, что не папа, а только император жалует в короли, в принцы и рыцари. Если желаешь быть королем, то предлагаю тебе свои услуги. Надлежит единственно скрыть сие дело от монарха польского, который боится, чтобы ты, сделавшись ему равным государем, не отнял у него древних земель русских».

Ответ Ивана Великого был исполнен прямоты, величия, истинной царской гордости:

– Государь, великий князь, Божией милостью наследовал державу Русскую от своих предков, и поставление имеет от Бога... Мы подлинные властители в нашей земле, от наших предков, и мы помазаны Богом... И мы никогда не искали подтверждения тому у кого-либо, и теперь не желаем этого... И сохраним державу мольбами Богу вовеки...

После этих великих слов Поппель не смел уже больше надоедать с предложением коронации от имени императора и вторично обратился к более практичным вопросам сватовства:

– Великий князь имеет двух дочерей – Елену и Феодосию; если не благоволит выдать некоторой за маркграфа баденского, то император представляет ему в женихи одного из саксонских знаменитых принцев, сыновей его племянника – курфюрста Фридерика, а другая княжна русская может быть супругою Сигизмунда, маркграфа бранденбургского, коего старший брат есть зять короля польского...

Государь мягко улыбнулся и сказал послу:

– На сие позже дадим ответ, крепко подумавши... Женидьба дело не простое, трудное дело для детей государевых и императорских... Много надобно обдумать и оговорить...

Перед тем как императорскому послу Поппелю отправиться из Москвы в немецкую землю вместе с Софьиным доверенным Юрием Траханиотом, великий князь имел нелицеприятную беседу со своей княгиней по поводу письменного наставления греку. Он только что прочитал эту наставительную грамоту, понял, что там есть принадлежащие великой княгине новые вставки, и морщился при чтении их, как от кислого винограда.

– Хорошо, предположим, можно согласиться с тобой, когда ты одергиваешь государя, от имени которого грек Юрий будет вести переговоры с римским королём Максимилианом, чтобы твой супруг не продешевил, выдавая замуж наших драгоценных дочек... Подчеркиваешь особое достоинство нашего с тобой брака, Господь с тобой... Вот слушай – здесь... «Ежели спросят, намерен ли великий князь выдавать свою дочь за маркграфа баденского, то надобно ответить, что сей союз не пристоеен для знаменитости и силы государя русского...

– Дозволь окончить фразу и сделать соответствующие пояснения... – Софья надменно прервала чтение наставительной грамоты Юрию Траханиоту, и продолжила по памяти слово в слово. – ...государя, брата древних царей греческих, которые, переселившись в Византию, уступили Рим папам... Понимаешь, что я вложила в слова, отнесённые к тебе: «брат древних царей греческих»?

Государь развеселился и непринужденно расхохотался:

– Ну, скажи, какой я брат древних царей греческих, если у меня братья – обычные домо-рощенные князья?..

Софья нахмурилась, и всё с той же непреходящей надменностью мстительно пояснила:

– Братом греческих царей ты, Иван, стал через свой династический брак со мной, греческой царевной из знаменитейшего императорского рода Палеологов. Брат древних царей греческих означает, что ты, Иван, равный по значению могущественным византийским императорам, их династический преемник. Именно, твой династический брак на царевне греческой Софье Палеолог, дочери Фомы Палеолога, брата последнего византийского императора Константина Одиннадцатого, даёт тебе законное право называть себя братом великих греческих царей... Запомни раз и навсегда, Иван, не Елене Волошанке и не Дмитрию-внуку принадлежит герб Римской империи, а мне и твоему сыну Василию-Гавриилу... Или ты позабыл видение моё святителя Сергия перед самым его рождением, когда у нас с тобой получались одни только дочки... Одну Елену уже в младенчестве взяли на небеса ангелы... Судьбы взрослых дочерей, другой Елены и Феодосии, мы с тобой уже устраиваем... Но чего стоят жизни и судьбы всех твоих детей, если ты надумал отдать престол не Василию-Гавриилу, а Дмитрию-внуку?.. Ведь молдавские господа не годятся даже для подошв сапог византийским царям...

– Ну, опять ты за старое, Софья... – недовольно покачал головой государь и снова поморщился.

– А как ты думаешь, каково будет положение наших дочек на немецкой земле в Священной Римской империи, если не Василий-Гавриил будет сидеть на престоле, как законный монарх, «брат древних царей греческих», а выскочка Дмитрий-внук, их плебейского рода господаря Стефана Молдавского... Самая жалкая судьба будет у твоих дочерей на немецкой земле, ибо там всегда будут помнить, что «брата греческих царей» Василия ты отстранил от престола, посадив туда Дмитрия на радость иудеям всего мира, в жилах которого течёт иудейская кровь по матери Елене... Или ты, Иван, всё же из Москвы решил устроить не «Третий Рим», а «второй Иерусалим»?

– Хватит нести чепуху! – гневно грохнул государь кулаком по столу. – Хватит...

– Почему же хватит?.. – не унималась Софья с тем же надменным презрительным выражением лица. – Я желаю счастья своим дочерям, а не их погибели в немецкой земле, жалкой участи, если их брата Василия бояре во главе с Патрикеевым и Ряполовским ототрут от престола, куда они подсаживают изо всех сил сморчка-внучка государева Дмитрия... А я назло

всем твоим боярам, даже тебе назло, Иван, внушаю своему сыну-первенцу Василию-Гавриилу самое высокое мнение о своём высочайшем происхождении «брата древних царей греческих», своих самых законнейших династических правах и родовых преимуществах над отпрыском Елены Волошанки, Дмитрием-внуком...

Государь только горько качал головой, обхватив голову двумя руками, тревожно думая о том, куда заведёт ненависть супруги к её династической сопернице Елене Волошанке с малолетним княжичем Дмитрием... Чтобы как-то отогнать тяжелые мысли, снова взял в руки наставительную грамоту греку Юрию и решил отыгаться на опытной византийской интриганке Софье.

– А вот это уже без моего ведома вставлено... Мы с послом Поппелем договаривались о женихе для Елены – саксонском курфирсте Фридрихе, а вот, оказывается, её мать желает устроить судьбу дочери со зрелым королем Римским, вдовцом Максимилианом, чтобы поближе к любимому Риму оказаться... За вдовых пожилых королей как-то грешно дочек отдавать

Софья надменно передернула плечами и прошипела:

– ...Да, король Максимилиан – вдовец, но не старик...

– Ну, конечно, песок ещё не сыпется... – и со смешливыми огоньками в очах стрельнул в скисшую супругу. – ...Или уже песочек просыпается у вдовца?.. Впрочем, может, по собственному подобию партию Елене подбирала?.. Ведь тоже выходила за вдовца Ивана... – И уже с дерзким вызовом и злостью ко всему в этом нечистом мире. – Всем миром, что с нашей стороны, жениховской, что с твоей, невестинной, вдовство государю лепили... И вылепили всем миром вдовство государю Ивану... А по моему разумению, не гоже играть со счастьем девичьим дочек наших, устраивая судьбу с иноземными вдовцами... Может, и взаправду, у старого вдовца песо промеж ног уже сыпется, а ты за него дочку-красавицу предлагаешь... И всё под тем соусом, чтобы обойти Дмитрия-внука и посадить на престол «брата царей греческих» Василия... Как с престолом решу, так и будет... А с замужеством как бы осечки не вышло... Не нравится мне идея устроить брак с королем Максимилианом, – одно дело союз с ним, а другое брак...

– Не будет осечки с королём... Юрий знает, как с ним вести, какую политику держать...

– Я бы эти слова из наставления выкинул... Вот, читаю: «А буде император пожелает сватать нашу княжну за сына своего, короля Максимилиана: то ему не отказывать и дать надежду...» Может, шут с ним, с королем-вдовцом?.. Не нравится мне, что мы набиваемся, словно заримся на его королевство устройством брака дочери...

Софья всё же настояла на своём и оставила текст наставительной грамоты неизменным. Уломала супруга необходимостью брака дочери с римским королем, что отвечало её перспективным интригам посадить на престол с помощью «византийской партии» сына Василия и отодвинуть, назло боярской думе и «иудейской партии», Дмитрия-внука...

На «королевские издержки» греку Юрию, доверенному личному порученцу Софьи, были даны 80 соболей и более 3000 белок. Вскоре, отбыв из Москвы в Любек и Франкфурт, Юрий Траханиот был представлен римскому королю Максимилиану. Вручил будущему союзнику и жениху дары великокняжеские: сорок соболей, шубы горностаевую и беличью, множество белок. Суть переговоров держалась втайне от случайных ушей, но есть все основания считать, что по линии своей повелительницы Софьи грек Юрий вёл линию на брак Максимилиана и Елены, а по линии государя Ивана линию на союз против Казимира, аналогичный союзу с венгерским королем Матфеем (который незадолго до этого времени умер).

После смерти славного короля Матфея венгерские вельможи согласны были избрать на его место Владислава, государя богемского, в досаду не только короля Максимилиана, считавшего себя законным наследником Матфея, но также и русского государя. Данное обстоятельство явно способствовало союзу двух властителей: Максимилиан готов был пойти на заво-

евание Венгрии, а Иван – на завоевание древнерусских земель Литвы своего давнего врага Казимира, который становился и врагом своего союзника и возможного «зятя».

В Москву Юрию Траханиот возвратился с новым послом короля Максимилиана, Георгом Делатором. К радости Софьи и удивлению Ивана посол выразил желание вдового короля стать зятем Ивана и Софьи. Правда государя насторожила лукавая просьба щепетильного вдовца: он хотел лично видеть юную княжну Елену и, даже не сообразуясь с королевскими правилами и государевыми обычаями, спрашивал о размере и цене московского приданого.

Услышав о том, великая княгиня только надменно фыркнула, вспомнив недовольство государя устройством этого брака. А тут ещё – унижительная просьба показывать невесту, да к тому же крохоборская издёвка иноземца справляться о цене приданого невесты. Софья нутром опытной интриганки тоже почувствовала что-то не то...

Ответ «зятю»-королю от тестя и тёщи был более чем достойным и состоял в учтивом отказе «показывать» невесту. Ученые дьяки-дипломаты во главе с Федором Курицыным объяснили послу Делатору, что какой стыд для отца и матери невесты, если бы сват и «зять», посмотрев на невесту, отвергнул бы её.

Софья велела передать послу следующие гневные слова государя:

– Мог ли знаменитый государь московский, «брат древних царей греческих», с беспокойством и страхом ждать, что слуга иноземного властителя скажет о его дочери...

Но и это было не всё. Надменная великая княгиня Софья велела дьякам-дипломатам:

– Изъясните также невежественному послу Делатору, что венценосцам неприлично торговаться о приданом... Что великий князь без сомнения назначит приданое по царскому достоинству жениха и невесты... Но уже после заключения брака... Что надобно согласиться прежде всего в деле важнейшем, а именно, чтобы русская княжна, будучи супругой короля, не променяла веры греческой, имела бы в той земле короля церковь греческую и православных священников...

Для последнего великая княгиня требовала уверительной записки короля государю, но посол категорически отказался устраивать подобным образом брак, поскольку на подобные дела он не получил соответствующих полномочий. И набрал в рот воды, чтобы речь не заходила о браке

Но союзный договор между римским королем и московским государем был всё же подписан и гласил:

«По воле Божьей и нашей любви мы, Иоанн, Божией милостью государь всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Югорский, Вятский, Пермский, Болгарский и проч. условились со своим братом, королем Римским и князем Австрийским, Бургонским, Лотарингским, Стирским, Кринтийским и проч. быть в вечной любви и согласии, чтобы помогать друг другу во всех случаях. Если король Польский и дети его будут воевать с тобою, братом моим за Венгрию, твою отчину; то извести нас, и поможем тебе усердно и без обмана. Если же и мы начнем добывать великого княжения Киевского и других земель Русских, коими владеет Литва, то уведомим тебя, и поможем нам усердно. без обмана. Если и не успеем обослаться, но узнаем со стороны, что война началась с твоей или моей стороны, то обязываемся немедленно идти друг другу на помощь. – Послы и купцы наши да ездят свободно из одной земли в другую. На сем целую крест к тебе, моему брату... В Москве, в лето 6998 (1490), августа 16».

Союзный договор такого содержания был подписан в «совсем последних временах», через 5 месяцев после гибели Ивана Младого, за 8 месяцев до ареста Андрея Большого...

Сей первый договор с германской землёй, с Австрией, написанный на хартии, был скреплен золотой великокняжеской печатью. Государь пожалова посла Максимилиана, Георга Делатора в «золотоносцы», то есть в знатную персону, имеющую знаки отличия в виде золотых

украшений, дал ему золотую цепь с крестом, горностаевую шубу и серебряные шпоры, в знак рыцарского достоинства.

Посол, словно что-то зная наперед, набрав по-прежнему в рот воды, когда его возвращали на брачные круги, поднес великой княгине Софье, «тёще» от «зятя» в дар весьма странный символический королевский подарок: серое сукно и попугая.

Не исключено, что подарок попугая «тёще» был посольской импровизацией остроумного посла Делатора, подчеркивавшего вторичность суждений римлянки и говорящей то, что надобно государю Ивану. «Попугаем» и в заморских странах неодобрительно называли тех, кто повторяет чужие слова и мысли, не имея собственного мнения и суждения. «Попугайничать», по мысли посла, вообще было «болтать зря»: вот и «теща» Софья «болтала зря» о династическом браке дочери, а посол на этот счёт предусмотрительно набрал воды в рот. Подарок-то символический «тёще» был, оказывается, ещё с подначкой и издёвкой.

Как-то, сразу после отбытия из Москвы королевского посла с союзным договором», проходя мимо покоев своей супруги, государь услышал нечеловеческий голос озорного попугая:

– Зять Макс – король!

Государь не знал, кто такой штучке научил попугая – посол или супруга венценосная, но весело и от всей души расхохотался. Но своим хохотом заставил опечалиться великую княгиню, денно и ночью пекущуюся о том, как бы выдать дочку за короля и посадить на престол своего сына Василия на, законного «брата древних греческих царей».

Только через значительное время государь услышал из покоев великой княгини другой выкрик ученого попугая:

– Зять Макс – дурак!

Хотел было рассмеяться государь, да саданула под сердце лихая мыслишка: «Чего смеяться-то?.. И с браком дочери, и с союзническим договором кинул их «зять Макс-король», совсем не дурак оказался, за дураков других держа, требуя невесту показать и узнать цену приданого... Прав ты был, государь, на корыстную римлянку, позарившуюся на тверское приданое и пошедшую на подлог византийский, найдётся ещё более корыстолюбивый и наглый... Хорошо хоть на корону не купился по дешевке государь, брат древних греческих царей...»

Несколько ещё было посольств от государю Ивана к королю Максимилиану и ответных... От доверенного Софьи, грека Юрия Траханиота, на нескольких языках говорящего, отвезшего дары великого князя и великой княгини – 80 соболей, камку и кречета – и договор, для одобрения и клятвенного утверждения узнали следующее. Римский король поначалу завоевал многие места в Венгрии, договор готов выполнять, но о сватовстве уже не говорит ни слова.

Дальше – больше... Посол Юрий вернулся в Москву 30 августа 1491 года с подписанной королем Максимилианом союзной грамотой, которую государь тут же приказал отдать в хранилище государственное. Однако с глазу на глаз Юрий передал государю, что до него дошли слухи, что вдовец Максимилиан, долго не имев ответа от великого князя, в угождение своему отцу-императору Фридриху уже помолвился с княжной бретанской...

Государь пересказал Софье содержание этого разговора с Юрием и в сердцах бросил:

– Какого же ответа же ждал король, коли посол Делатор сказал, что не уполномочен вести переговоры о браке...

– Как в рот воды набрали что посол, что «зять»-король... – презрительно цыкнула великая княгиня. – ...Но мы их выведем на чистую воду...

– Как ты их выведешь на чистую воду?.. – устало и безмятежно спросил государь.

– ...Заставим лгать и объясняться... объясняться и лгать... это унижает и уничтожает королевское достоинство... – с угрозой в голосе промолвила Софья.

Действительно, государь на этот счёт ничего не предпринимал, но Софья по своим каналам через греков и латинян вынудила всё-таки объясняться «короля Макса».

Король римский вторично прислал посла Делатора. Посол в извинительных выражения умолял великого князя и великую княгиню не досадовать за помолвку «зятя Макса» на принцессе бретанской и рассказал длинную историю в оправдание недостойного королевского поступка.

– Король римский Максимилиан... – закатывал мученически глаза хитрый посол. – весьма желал чести быть зятем великого князя; но... – посол выдохнул со стоном раненой души и поверженного ниц сердца. – ...Бог не захотел этого... Разнесся в Германии слух, что я и послы московские год тому назад, отплыв на двадцати четырех кораблях из Любека, утонули в штормовом бурном море... Король наш думал, что государь Иван не сведал о его намерении вступить с княжной московскою. Дальнее расстояние не позволяло отправить нового посольства, и согласие великого князя было ещё не верно. Между тем время текло. Князья немецкие требовали от императора Фридриха, чтобы он женил своего сына-короля, и предложили в невесты Анну Бретанскую. Фридрих убедил Максимилиана принять её руку. Когда же король узнал, что мы живы и что княжна московская могла быть его супругою, то искренне огорчился и донныне жалеет о невесте столь знаменитой...»

Вряд ли сия справедливая или выдуманная повесть посла удовлетворила государя. Он не проронил после этой «печальной повести» ни слова королю или послу, но исполнил клятвенный обет заключения договора. Иван Великий сделал то, что сделал и король Максимилиан: целовал крест перед его послом, который изъявил публично совершенное удовлетворение и устную благодарность короля.

Однако Софья пожелала отдать должок и послу, и королю. Она обратилась к послу:

– Я хочу, чтобы королевский посол дал слово чести, не взирая ни на какие обстоятельства, он будет всемерно способствовать союзу между королем и государем...

Тот, естественно, дал клятвенное слово чести... Взяв с него слово, великая княгиня спросила:

– Хочет ли посол полюбопытствовать о состоянии подаренного королем ей попугая?..

– Непременно, государыня... – отвечивал посол. – Я передам всё королю о попугае.

– А вот этого не надо делать... – жестко осадил посла Софья с язвительной улыбкой тонких поджатых губ в заготовленной заранее византийской местию.

Когда они подошли к ученому говорящему попугаю, Софья обратилась к нему с пустяковой просьбой:

– Что ты хочешь передать королю Максимилиану после тех душещипательных историй короля-жениха, которые нам поведал его велеречивый посол.

Попугай победно взглянул на посла и заорал на него с сумасшедшим взором в очах, полных гнева

– Зять Макс – дурак старый! – и уже повернув голову к ошалевшему от неожиданности послу Делатору рявкнул тому в лицо. – Пшел вон, врун хренов!

После обмена посольствами уже в конце 1491 году после ареста Андрея Большого король Максимилиан некоторое время соблюдал союзнический договор с Москвой, но вскоре пошел на заключение мира с сыном Казимира Владиславом, королем Богемии и Венгрии...

Деликатный ответ государя, сообщенный королевскому послу дьяком Федором Курицыным, был таков:

– Я заключил искренний договор с моим братом Максимилианом! Хотел помогать ему всеми силами в завоевании Венгрии моего друга и союзника, покойного короля Матфея, готовился сам сесть на коня, но слышу, что Владислав, сын Казимиров объявлен там королем и что Максимилиан с ним примирился: следовательно, мне теперь нечего делать... Я не изменю своей клятве. Если брат мой решится воевать, то иду немедленно на Казимира и сыновей

его, Владислава и Альбрехта. В угодность Максимилиану буду добровольным посредником его союза с господарем молдавским, Стефаном Великим...

Государь Иван тут же вызвал своего ближнего дьяка Курицына и в сердцах бросил тому:

– И договор вроде союзнический есть на бумаге... Всё скреплено клятвой... Только замечались немцы, под короля Казимира легли... Пусть лежат... И король Макс – союзник хренов, ещё тот... Хорошо я их с короной отправил на все четыре стороны...

Дьяк Курицын не был настроен шутить; сказал то, что и должен сформулировать опытный дипломат:

– После мира Максимилиана и Владислава союз короля Максимилиана с Москвой не имеет для тебя, государь, никакого значения...

– А подписанный моей рукой договор и скрепленный клятвой и крестоцелованием?..

– Договор просто не вступил в силу... – тихо, без лишних эмоций ответил дьяк посольский.

– Вот так-то, друг ситный, только крымский хан Менгли-Гирей оказался для Москвы единственным полезным союзником в противостоянии с королём Казимиром Литовским...

– Но ведь есть же и государь Стефан Молдавский, о котором ты всё же упомянул, государь, в достойном ответе римскому королю... – вежливо поправил государя дьяк...

– К сожалению сват Стефан имеет больше ума и мужества, нежели сил, истощаемых им в войне с османами... – горько и сокрушенно посетовал государь... – Только не слова о моём мнении Елене... Она и так, как на иголках, сидит в Софьином враждебном окружении... Потому пока вся надежда на союзника хана Менгли-Гирея...

– Тем более, как я слышан, от наших иудейских агентов в Крыму и Литве, хан решил построить сильную крепость на северной стороне днепровской дельты, – сказал Курицын.

– Расскажи-ка поподробнее, Федор, об этой затее хана... Не на Киев ли союзник нацелился... Может снова решил оттуда прислать дискос с потиром... например, на свадьбу дочки Елены... Хватит, не надо... Ивану младому с Еленой Волошанкой прислал – как сглазил сына... – тяжело вздохнул государь. – Ну, что там насчёт крепости хана...

– Действительно, новая цитадель Очаков – весьма удобное место для будущих походов на Литву и Польшу. К тому же известие о её возведении уже вызвало большое волнение в Польше и Литве и огромную радость литовских и польских иудеев из анти-королевской партии...

Государь раздумчиво поскрёб затылок и поделился сомнениями и смешанными чувствами относительно затеи хана:

– Да, действительно, цитадель Очаков укрепит положение хана в отношении Казимира, врага Москвы... Только тот же Очаков следует рассматривать и как постоянную угрозу Киеву и другим древнерусским землям, на которые Москва имеет свои собственные виды... Боюсь, что турки вынудят хана отдать им эту крепость... А заупрямится он или его дети, так османы силой овладеют и Руси будут кулак оттуда показывать... И бить этим кулаком долго будут, пока их оттуда не выкурят русские Иваны...

Государь всё же рассказал с постным выражением лица о конце союза с римским королем.

– Сначала помолвка с римским королем сорвалась... Вот теперь и союз... Всё один к одному... Ненадежные женихи и союзники эти твои «римляне... – поглядел сверху вниз на римлянку с таким недовольством, словно побыстрее хотел скинуть с плеч тогу с чужого плеча «брата древних царей греческих»

«Тёща» Софья, выслушав государя и по-византийски проникшись его болью властителя, остроумно и тонко отомстила королю и его послу за то, что те посчитали её не царевной и государыней, а попкой. Государь часто слышал из покоев тихо ненавидимой им великой княгини гневный и злой выкрик ученого попугая насчёт неудавшегося союзника государя, короля Максимилиана:

– Макс – не зять, не союзник и не король! Макс – дурак старый!.. А ещё жениться вздумал на молоденькой княжне, вдовец-дурак ...

4. «Конец света» в 1492 (7000) году

Вот и кончились «последние времена», только вместо запланированного ортодоксами «конца света» в июне 1492 года в Литве случилась не менее значимая для Руси Московской большая перемена: в Гродно скоропостижно скончался старый 65-летний враг её, король Казимир, правивший Литвой 52 года, а Польшей 45 лет...

Казимир оставил после себя несколько сыновей. Старший из них, Владислав был королем Богемии с 1470 года, а с 1490 года стал королем Венгрии; через полтора года он удовлетворился условиями выгодного Польше и Литве заключенного мира с римским государем Максимилианом, заставив того забыть о северном союзе с Москвой и употребить все свои усилия против Франции.

Что же касается других младших сыновей Казимира, то Яна Альбрехта сразу же после смерти Казимира избрали королём Польши, а следующий по старшинству 32-летний Александр волей судеб стал великим князем литовским. В результате династическая связь между Польшей и Литвой прервалась почти на десять лет. Эта связь на радость литовских иудеев возобновится только в конце 1501 года, когда после скоропостижной смерти Яна Альбрехта королем Польши станет Александр Казимирович, оставаясь великим князем литовским, а через два года – во время победы консервативно настроенного православного духовенства над жидовской ересью! – наконец-то, в Литве были отменены все антисемитские законы... Причём здесь радость иудеев от династического объединении Польши и Литвы под началом одного властителя?.. Дело в том, что Александр, став великим князем Литвы, сразу же запретил жить иудеям в Ковно, а после своей январской женитьбы в 1495 году на Елене, дочери московского государя, изгнал всех проживающих иудеев из Великого княжества Литовского, поскольку считал чуть ли не все иудеев агентами Москвы, конфисковал всю их собственность, вынудив большинство их перебраться в Польшу.

Польша даже при покойном короле Казимире не оказывала Литве ощутимой поддержке в её противостоянии с Москвой государя Ивана и Крымом хана Менгли-Гирея; теперь же, в результате разделения двух государств Литва как противник государя и хана стала значительно слабее. Правда, несмотря на старую взаимную ненависть между государем Иваном и королем Казимиром, ни одна из сторон не хотела «большой войны». Иван Великий был хитер и расчетлив в своих многоходовых комбинациях против своего соперника, а старый малодушный Казимир в последнее время уже просто боялся своего удачливого соперника, твердого и деятельного, увенчанного чередой славных побед и на востоке, и на западе.

Казимир, испытавший на собственной шкуре давление в Литве на свою хрупкую власть сдвоенной грозной силы – «русской православной» и «иудейской» партий, что страшней возбуждаемых ими набегов крымчаков Менгли-Гирея – сумел внушить сыну Александру, что все беды в литовских землях от этих зловердных партий.

Собственно, антисемитский запрет нового великого князя Александра иудеям на проживание в Ковно – всего за три года до их полного изгнания из Литвы – совпал с резким демаршем русской партии, в лице родича князя Ивана Андреевича Можайского, верховского князя Семена Федоровича Воротынского.

Семён Федорович и его племянник Иван Михайлович Воротынские вместе с другими князьями, терпели подчинение достаточно сильному королю Казимиру, признавали его своим властителем, обязывались платить ему налоги с тем, чтобы тот был в состоянии оборонять их отчины сначала от войска хана Ахмата, а потом от крымчаков хана Менгли-Гирея. Но когда литовские великие князья фактически после смерти Казимира продали могущество объединенного Литовско-Русского государства за престол польский, то многие князья «русской православной» партии в лице самых первых – знатного рода Воротынских – решили искать себе

другого защитника-господаря. Таким, естественным образом стал для них русский православный государь Московский Иван Великий.

Когда-то король Казимир сделал непростительную промашку: не поддержал претендента на московский престол Ивана Можайского, за которого ходатайствовал перед королём его тесть Федор Львович (отец воротынского князя Семёна Федоровича). На эту обиду наслоились многие другие, что король отказал князьям Воротынским в защите их земель от войск ханов Ахмата и Менгли-Гирея. После того, когда великий князь Александр отказал им в поддержке в их землях, послав ему «прощальную грамоту» и сняв с себя клятвенное крестное целование дядя и племянник Воротынские отъехали в Москву, где били челом государю Ивану своею отчиною. Чтобы показать свою преданность Москве и Ивану Великому, они заняли приступом на имя государя литовские города с русским православным населением: Серпейск, Опаков, Мещевск.

Александр Казимирович Литовский попытался разыграть «родственную карту»: с помощью родича Воротынских, сына Ивана Можайского, князя Семёна Ивановча, вместе со смоленским воеводой Юрием исправить ситуацию, отбить у Воротынских занятые ими земли и города. Действительно, Семён Можайский прогнал свояков, дядю и племянника Воротынских. Но государь Иван уже вошел во вкус «царской привычки: не любил уступать кому бы то ни было занятых на его имя городов и земель; он послал сильное московское и рязанское войско, которое отбило у Семёна Можайского города Серпейск с Опаковым. А Мещевск, так и не дождавшись подкрепления от великого князя Александра, сдался на милость государя без боя.

Семён и Иван Воротынские были не первыми отъезжими князьями в их роде Москву. Еще при Казимире, враждовавший с королем их свояк, князь Воротынский отъехал в Москву. Его примеру тут же последовали князь перемышльский и князь белевский с двумя братьями. Но то были «тихие» отъезды, когда государю московскому не доставались отчины литовские русских православных князей. Отъезд же Семёна и Ивана Воротынский из Литвы был громкий, они чуть ли не впервые в истории заняли на имя государя лакомые литовские земли и знатные торговые города.

«Вот тебе и год конца света!» – радостно воскликнул государь Иван, обнимая дядю и племянника в Москве, отломивших ему от Литвы первый знаковый кусочек древнерусской земельки. Сразу же по приезде князей Воротынских в Москву, государь послал своих воевод московских добывать – под кураж! – за можайской границей Вязьму, и воеводы легко её добыли и привели в Москву князей Вяземских. Но государю было очень важно, чтобы русские православные князья, владельцы старинных отчин, не боялись московских завоеваний. Потому государь милостиво пожаловал князей вяземских отнятыми у них землями, возвратил им с клятвенным обязательством служить ему, государю московскому, также, как прежде они служили государю литовскому...

Такое щедрое великодушие не было без выгоды для Ивана Великого. В год «конца света» явился к нему на службу князь Михаил Мезецкий, приведя с собой в качестве пленников двоих совестливых братьев, хотевших остаться верными Литве, из-за своей клятвенной присяги королю.

Иван Великий тут же послал Александру послание со следующим содержанием:

«Что служили тебе князь Семен Федорович Воротынский, да князь Андрей, да князь Василий Белевский, да князь Михаил Романович Мезецкий, да князь Андрей Юрьевич Вяземский, и они нынеча били челом служити со отчинами: и тебе бы то ведомо было. Чтоб еси приказал своим князьям и всим своим людем, чтобы нашим слугам – вышепоименованным князьям – и их отчинам обиды от них некоторые не было».

Государь знал, что Литва, избрав после смерти Казимира в год «конца света» нового властителя Александра, уже не может располагать силами Польши, которая не имела вражды с Москвой. Потому чуть ли не сразу с вестью о громком отъезде князей Воротынских посла

своих послов к своим союзникам хану Менгли-Гирею и господарю Стефану молдавскому, убедить их воспользоваться смертью короля Казимира и княжескими смутами в пользу Москвы, и воевать Литву. Пока союзники собирались, государь начал неприятельские действия против Александра: его отряды взяли и разорили Мценск, Рогачев, Хлепен, причем лично князья воротынские лег и без кровопролития завоевали Мосальск.

Жалуясь на набеги в земли великого княжества Литовского, за «шкоду» там чинимую с ведома государя Ивана Васильевича, Александр Казимирович уже желал долгого мира с Москвой, с юных лет наслышанный о величии и победах её самодержца. Важнейшим шагом на пути мира между Литвой и Москвой казалось ему супружество с одной из его дочерей. Тем более, что великий князь Александр от своих вельмож был наслышан, что устройство брака княжны Елены с королем римским Максимилианом в силу неизвестных никому причин расстроилось.

Именно в «последние миги последних времён», на грани «конца света» или даже уже за гранью «конца света» открылось в Москве гнусное злоумышление и преступление, справедливо или несправедливо приписанное виновнику Казимиру Литовскому, уже истлевающему в гробу в сырой земле.

Из литовской земли, якобы по тайной воле короля Казимира, к господарю Ивану Великому был подослан князь Иван Лукомский с тем, чтобы злодейски отравить его. Лукомский поклялся неким темным силам исполнить их адское поручение и к «концу света» отправить на тот свет государя, словно принеся его в жертву божеству Хроносу, пожирающему своих детей, отсрочивая всеобщий «конец света».

Лукомский внутренне дрожал от причастности к «инферно» изменить ход времен и развития государственности, смеялся над теми нравственными устоями, положенными в основу гуманной цивилизации, когда ничто не может оправдать злодеяния в нарушение тех или иных государственных устройств.

С привезенным в Москву варшавским ядом для государя Лукомский поступил здесь на службу, уже входил в круг лиц, имевших доступ к господарю. Он уже мыслил и видел себя, приносящим торжественно жертву государя Хроносу. Иногда что-то в затравленном существе Лукомского переворачивалось, когда он физически представлял умирающее существо человеческое от его варшавского яда. Ужас видения охватывал его, такая желанная для него гибель в мучениях государя, которая прославила бы его – жертвенника – в рядах врагов государя, вдруг оборачивалась болью души Лукомского. Ведь православная душа – хрупка и ранима; душа потенциального злодея и изверга тоже испытывает борения и страдает от укоров совести, её потрясений всей человеческой сущности. Ещё бы: на глазах одного живого существа исчезает в мучениях сущность живого, вдруг это только что живое существо человеческое уничтожается, исчезает – перестаёт быть живым...

Ведь варшавский яд Лукомского был не из разряда медленнодействующих... Сам Хронос Лукомский в Варшаве отказался от «аква тофини», инфернальные силы подтолкнули его к страшному выбору и поступку: он должен лично и контактно отравить государя, чтобы тот умер в считанные мгновения на его глазах, а не довольствоваться ролью соглядатая, подмешавшего или подсыпавшего яд в вино или пищу, и ждать где-то в стороне факта гибели государя от отравления.

Для мгновенного контактного отравления были готовы комплексные средства – порошок и капли в миниатюрных сосудах, которые можно было легко спрятать в рукаве на запястье руки, отравленные шипы на кольце мизинца, и даже отравленные острия на подошвах сапог, – ими можно было бы невзначай коснуться или ударить по икре или голени государя. И тот даже не осознал бы, что его отравили.

Но мучения в душе Хроноса Лукомского нарастали с каждым днём и часом по мере приближению того финального действия, когда государь должен быть в мгновение ока отправлен на

небеса приведенным в исполнение злодеем актом ритуального убийства. Причем к своей роли жертвенника Хронос Лукомский относился философически – так надо inferнальным силам, они выбрали его, причём он догадывался, что он только одно звено в цепочке жертв и злодеяний ради мистических актов «в последних мигах последних времён». До него доходили смутные слухи о подобном ритуальном убийстве сына государя, великого князя Ивана Молодого, и принесении в жертву самого отравителя-лекаря Леона Жидовина... И его, как и Леона, пошедшего на собственное жертвоприношение, тоже должны были казнить... Какая разница – отрубать голову, как Леону, или топить, вешать, сжигать, всё равно, главное Хронос – Победитель... Пусть для истории останется, что якобы Казимир послал Хроноса на ритуальное убийство и добровольное принесение в жертву фанатика Лукомского... Чудаки, разве такое мероприятие дело куцых королевских старческих мозгов, – то ужасное и святое дело inferнальных сил, со сметкой, превосходящей даже возможности ветхозаветных пророков Моисея, Авраама, Илии, Соломона и прочих...

Всё было замешано на ритуальных убийствах и жертвоприношениях в этих смутных последних временах. И всё это во имя чего-то таинственного, большого и важного – для проявления сути жреческих inferнальных сил, стоящих над схваткой добра и зла, но блюдущих какие-то, только им известные, интересы библейских времён, быстротекущей и новейшей истории.

Когда Хронос Лукомский уже шёл отправлять государя на кончике «конца света» Ивана Великого в мир иной с помощью безотказного варшавского яда и комплекса всевозможных средств на его жертвенном теле, в его душе случилось странное потрясение. Душа Хроноса Лукомского была вся, как открытая духовная рана, пронизывающая своими мучениями и страданиями от осознания своего убийственного предназначения всё тонкую живую материю. Словно открытые разрывы и раны души пронизывали всё вокруг, вопило и зывало: «Вот идёт одно живое существо убивать другое существо! остановите ритуального убийцу и фанатика, готового принести себя в жертву ради торжества inferнальных сил! Не дайте совершить злодеяние великое убийце государя Руси святой, княжья воля которого практически равна Божьей в эти последние миги последних времён!»

Но толстокожие стражники из государевой охраны были глухи к воплю души убийцы-фанатика, толстокожие бояре и ближние дьяки во дворце не ощущали ничего страшного и зловещего, вели свои обычные дела и беседы, когда мимо них плыла вопиющая душа Лукомского. Он ничего не мог сделать с собой: он был нацелен на ритуальное убийство, а душа его содрогалась и вопила...

Только этот вопль души убийцы и тревога за государеву душу, которой скоро суждено было отделиться от отравленной плоти, дошел до живого существа, ради которого и были замыслены inferнальными силами и убийство ритуальное государя и принесение в жертву фанатика-убийцы, отравителя варшавским ядом Лукомского. То был хрупкий, нежный, добродушный и милосердный Дмитрий-внук...

Волей судеб Дмитрий-внук в эти последние миги последних времен оказался тоже во дворце, неподалеку от государевой палаты, где-то должен был принять своего отравителя Хроноса Лукомского. Наверняка Дмитрий-внук почувствовал приближение шагов убийцы к его любимому деду Ивану и на большем расстоянии... Только из-за этого большого расстояния он не сумел бы донести до деда спасительное известие: что к нему приближается ритуальный убийца с варшавским ядом, и жизнь его висит на волоске. Но не было этого непоправимо большого расстояния между дедом Иваном и Дмитрием-внуком. Значит, можно было спасти государя-деда, что не было дано многим толстокожим стражникам и боярам, само предназначение которых заключалось в жизни государства в сохранении жизни его государя. Но тонкая чувствительная душа юного отрока, к тому же первого претендента на престол царский отреагировала мгновенно...

Когда мимо Дмитрия-внука, которого держала за руку мать Елена Волошанка, прошел важно, спокойно и независимо, как подобает настоящему знатному, служилому князю из близкого государева круга, девятилетний Дмитрий вздрогнул всем своим хрупким тельцем. Он даже не попытался запечатлеть телесный облик этого незнакомого ему мужа, только ощутил мучительный вопль души Хроноса Лукомского, вопиющей о своём скором ритуальном убийстве деда-государя с принесением в жертву плоти убийцы, надутого, внешне самоуверенного князя.

Наверное, Елена Волошанка тоже что-то почувствовала, то ли тревожное состояние сыны, мучение, исходящее из пространства, в котором только что прошел представительный князь с важным непроницаемым лицом и напряженной прямой спиной.

Дмитрий сорвался стремглав за только что прошедшим мимо них с матерью князем... Хотел опрометью с ходу наброситься на него сзади, но что-то, какая-то сила оттолкнула его от ритуального убийцы и жертвенника мыслью – «... так ведь не спасешь деда, только себя раньше времени погубишь...» – и он, опередив Хроноса, ворвался в палату деда-государя с криком:

– Остановите, остановите убийцу-отравителя государя... он сейчас войдет сразу же за мной в эти двери...

На глазах деда-государя, схватив его за руку Дмитрий-внук показал пальцем на двери, в которые должен был войти Хронос Лукомский, и упал без чувств в глубоком эпилептическом припадке...

Конечно, князя Лукомского, недавно обласканного государем и принятым на государеву службу в его ближний круг, тут же по приказу Ивана Великого схватили, обыскали. Подозрения чувствительного Дмитрия-внука оказались оправданы: по счастливой случайности Лукомскому не удалось привести в действие заготовленный для скоропалительного убийства государя варшавский яд.

Только, когда вязали, всем скопом навалившись на злодея, кто-то из стражников поранился то ли шипом на кольце мизинца, то ли острием отравленным, заделанным около мыска в подошве сапога, – только тот стражник мгновенно отдал Богу душу за жизнь Ивана Великого на испуганных глазах государя

Некоторые из потрясенных бояр и воевод в суматохе, сразу по горячим следам машинально стали спрашивать помятого и связанного тут же князя Лукомского

– Кто же всё-таки попытался твоими мерзкими ядовитыми руками пресечь славное течение жизни нашего государя?..

– Не покойный ли король Казимир задумал такое при жизни такое злодеяние – отравить государя?

Лукомский молчал и ничего не отвечал, душа его уже не вопила и не мучилась. Он уже спокойно смирился с ролью жертвенного князя, раз не удалась – и слава Богу! – роль ритуального убийцы-отравителя. Казнить-то, глядишь тоже будут публично при скоплении душевного народа русского, – вот тогда его душа уже не возопит, но возликует. Наплевать ему было вопросы про венценосца Казимира, посмеявшегося послать убийцу к другому, не менее славному венценосцу Ивану Великому... Ничего никто до поры до времени не узнает... И пытками у него никто признания никакого не вырвет о задумке inferнальных сил ритуального убийства и принесении в жертву самого убийцы. Пусть нет жертвы-государя, зато есть вторая жертва покушавшегося на убийство... Чем он, православный Хронос Лукомский хуже ученого иудея Леона Жидовина?.. Того хоть казнили за дело – он отравил великого князя Ивана Младого, запутав своей смертью все концы для истории, пусть думают про Софью, пусть... Вот и здесь никто никогда не узнает о таинственных inferнальных силах, пекущихся о новом Царстве... Только как-то странно распорядился его Величество случай: убийство государя, которое inferнальные силы совершили ради возведения на престол царевича Дмитрия, предотвратил сам внук,

ценой собственного умопомрачения, ценой кошмарного эпилептического припадка – спасительного...

Некоторые из ученых ближних дьяков и бояр талдычили молчащему, пребывающему в тяжких раздумьях Лукомскому:

– ...понимаешь ли ты, что когда венценосец Казимир присвоил себе право тайно убить смертельным ядом другого венценосца, то это приведёт к непоправимым последствиям для двух держав, Руси и Литвы...

– ...таким способом нарушается связь между гражданскими обществами Литвы и Руси, обрекая их на вечную войну, подозрения, страх, беспорядки и взаимную непреходящую ненависть...

– ...ведь такими средствами не достигаются мир государств, их спокойствие и безопасность...

Не было настоящих мастеров пристрастного допроса, потому и велись такие речи в присутствии государя лишь потому, что он ещё не повелел прекратить распросы и не отвести в темницу покушавшегося на его жизнь князя.

Наконец, государь, обрадовавшись тому, что на его глазах бледная мать Елена Волошанка привела в чувство сына, Дмитрия-внука, спросил своих бояр и дьяков:

– Что, признался, хмырь болотный, ядовитый?..

Кто-то пробасил:

– Мы его спросили про Казимира по разному, с подходцем, с разных сторон... Молчит... Насчёт Казимира не отрицает... Значит, своим молчанием подтвердил своё согласие насчёт Казимира...

– Так что ли, Иван Лукомский, – Казимир?.. – переспросил государь спокойно с безразличным выражением лица.

Тот молчал, отвернувшись от государя, всем видом показывая, что они недооценивают ещё его князя-жертвенника...

– Молчит, значит, молчанием соглашается с Казимировым замыслом... – опять кто-то пробурчал недовольным голосом, мол, чего спрашивать, коли и так всё ясно.

Выждав некоторую паузу, государь приказал:

– Увести... Пусть допросят хорошенько этого князя и его латинского толмача, поляка Матиаса, с кем он ко мне в Москву на службу приехал от короля...

К удивлению допрашивающих дьяков и даже добровольцев пытающих Лукомский ничего не говорил. Выносил терзания, как и подобает жертвеннику, с невообразимой твердостью и стойкостью. Зато быстро раскололся при пытках поляк Матиас, его единомышленник. Оговорил князя Федора Бельского, якобы сей легкомысленный родственник Казимиров хотел тайно уехать из Москвы к королю сразу после того, как удастся покушение на жизнь государя. Через косвенные признания Матиаса открылись и другие преступники, имеющие отношение к заговору и покушению. То были подданные короля, смоленские граждане Алексей и Богдан Селевины; будучи московскими пленниками, они передвигались свободно, имели тайный канал связи с Александром Литовским и посылали тому разные агентурные сведения.

Но государь, желая приблизиться к истине, узнать нечто сокровенное в «последних мигах последних времён» сам пожелал сам поговорить перед казнью с Иваном Лукомским с глазу на глаз. Когда он зашел к тому в темницу, то увидел насколько славно поработали его палачи-дознатели, так и не выудившие из него ни одного слова признания. Из под черной, окровавленной повязки сломленного Лукомского выбивались свалявшиеся, седые вихры, а ведь бросили его в темницу до пыток абсолютно здоровым, без единого седого волоска.

– Здравствуй, Иван! – промолвил государь, присаживаясь на скамью напротив того.

– Здравствуй, государь... – прошамкал беззубым ртом тот, который всего несколько дней тому назад мог похвалиться белозубой улыбкой.

– Вижу... Вижу... прослышал я про твоё упорство... Сам к тебе приехал на ум, на разум наставить... Говорили, что ты словечка не вымолвил... Спасибо на том, что хоть со своим государем говоришь... Не нужна мне твоя казнь ни капельки... Но, раз я чуть концы не отдал Господу, хочу знать, чем такой чести быть отравленным удостоился от покойного короля Казимира?.. А ведь ты мне крест целовал, Иван...

Усмешка и внутренняя обида прозвучала в последних словах государя, и что-то проняло Лукомского.

– Нет во мне силы, государь, каяться в том, что крест тебе целовал, да нарушил клятвенную присягу, покусился на жизнь твою драгоценную... Прости... Грешен я перед государем, приютившим меня, и перед всей землёй Русскою, родившей такого государя Великого...

– Заспесивился ты, Иван... – опять после недолгой паузы заговорил государь. – Своим молчанием упорным заставил моих подданных грешить на покойного Казимира и сына его Александра, нынешнего великого князя, подговоривших тебя устроить «конец света» государю московскому... Хочешь, скажу я тебе, Иван, как на духу одну вещь, важную для нашего с тобой доверительного разговора?..

– Скажи, государь... – глухо промолвил Лукомский, держа очи в землю потупленными.

– Так вот... Не верю я ни в «конец света», ни в то, что тебя подослали ко мне литовские великие князья – отец Казимир или сын Александр... Скажешь, почему не верю?.. Не верю, потому что не верю – и точка... – с омраченным думой лицом величавым добавил. – Не гордиться бы тебе надо в своём надменном вызывающем молчании, а во прахе лежать, плакать слезами покаянными...

– Успеется... на том свете отплачу...

– Неужто свою тайну так и унесёшь с собой... Сотвори крестное знамение, отгони духа лукавого, Иван... Скинь с себя силу неведомую, что враг рода человеческого смутил твою душу гордыней сатанинской... Ведь душа чурается прикосновения сатанинского, возопила, когда ты травить меня шел... И внучок мой на вопль души твоей откликнулся – не дал ни ей, грешной, пропасть, и меня спас от гибели...

– То правда, государь... – прошелестел одними разбитыми в кровь губами Лукомский. – Шел отравить тебя видом спокойный, а с душой, тревожной, противящейся злодейству, вопиющей...

Задумался государь, остановив свой взгляд выжидающий на князе. Поражало упорство того не выдать единомышленников, пославших его на верную гибель. Ведь, отравив его, – яд-то мгновенный оказался! – попался в момент всё равно, тех же пыток лютых и казни удостоился.

– Я жду, Иван... – недовольно посмотрел на него государь и грозно вымолвил. – Услышу ли раскаяние твоё и признание: Казимир с Александром или кто иной надоумил тебя отравить государя московского?..

– Причём здесь Казимир... Его самого тайные иудеи отравили медленным ядом... А тебя мгновенным от имени Казимира отравить вздумали... – начал было говорить Лукомский, но тут же осекся.

– Что?... – тихо молвил государь и почувствовал лёгкое головокружение. – Зачем?..

– Не знаю...

– Ты хоть уверен в том, что сказал?..

– Конечно, нет, государь... Впрочем, какая разница... Истина всегда недостижимая и ускользающая...

– И этой ускользающей истиной ты не хочешь поделиться со своим государем?..

– Не могу я всего знать... И сказать всё, государь, не могу, поскольку слово честное дал... Поскольку повязана душа моя... Куплена с потрохами... Да и меня всего с потрохами купили и молчать для спокойствия моих близких обязали...

– Но ты же мне крест целовал...

– Нету моей силушки оправдываться перед тобой за крестоцелование тебе, государь, после других моих измен и предательств... – в сердцах произнес Лукомский и рванул нательную рубаху на груди, обнажив страшные кровавые раны. – ...Только душе вопиющей изменять не буду, ни при жизни непутевой, ни при казни заслуженной...

– Есть какая просьба ко мне...

– Думаешь, за жизнь цепляться буду... Без надобности мне она... Впрочем, сожги меня вместе с моим несчастным Матиасом... Как когда-то твой дядя Иван Можайский сжег за лжеволшебство супругов Мамонов в граде Николы Меченосца... Этой смерти многие боятся... А напрасно... Мамоны показали всем, как надо уходить из жизни... Пусть все считают их еретиками, а они так не считают – они свободны в выборе ухода из грешной жизни, отрешения, исчезновения... Пойми, не хочу говорить ничего о твоём отравлении, о собственном жертвоприношении, потому что судьба твоя и престола русского в твоих руках, больше ничьих... И жизнь твою Дмитрий-внук спас, а ты его жизнь не спасёшь... Не я, а ты потому будешь перед смертью каяться и просить его о прощении... Впрочем, всё это домыслы... Я ни в чем не уверен... Прости, государь... Не я, грешник, буду каяться за содеянное – благодаря душе вопиющей и твоему Дмитрию-внуку, спасителю твоему... А тебе, праведнику Ивану Великому, княжья воля которого равна Божьей, придётся каяться... прости, государь...

Крута была лестница – за шестьдесят ступенек, как лет – в сии «последние миги последних времён», на грани «конца света» или уже за гранью «конца света», по которой государь уходил из темницы от Хроноса-Лукомского, узнав что этот «конец света» был предназначен для короля Казимира и него одновременно, ради чего неизвестно... Может, ради Царства Дмитрия-внука?.. «Так ведь ещё успеется, повенчаю его на Царство Шапкой Мономаха на зло римлянке... – думал государь. – Слава Богу, что лютые враги литовские, Казимир и Александр на отравление пошли... А что, может, правда, выдать дочку Елену за Александра Литовского... Вот это поворот, достойный государя, пекущегося о собирании русских земель и народов... Никто не ждёт такого, ни великие княгини Софья и Елена, ни будущие великие князья Дмитрий-внук и Василий-сын... Именно в таком порядке, великие князья Дмитрий и Василий... После четверти века последних времён в своей личной судьбе – только конец света отменяется! Править надобно и о Руси Святой печься...»

Попавший в подозрение Федор Бельский отделался легким испугом – его милосердный государь сослал в Углич... Изменников и отравителей, не исправившихся в грехе гордыни, государь велел сурово наказать, чтоб другим было не повадно. Богдана Селевина засекли до смерти кнутом, его брату Алексею отрубили голову. Лукомского вместе с его нестойким единомышленником, поляком Матиасом сожгли публично в клетке на берегу Москвы-реки. Матиас страшно, не человечески орал и требовал пощады и снисхождения, а Лукомский был спокоен и всемогущ в своём спокойном жертвенном величии, как Хронос Всесильный...

5. Мирный договор и обручение

Сразу же после года «конца света», с начала 1493-го, Литва и Москва начали интенсивные сношения и переговоры по поводу мирного договора, который, наконец-то, должен был положить конец бессмысленной тупиковой ситуации необъявленной пограничной войны. Чтобы покончить с бесконечными стычками, конфликтами, «малыми войнами» на границе государств с преобладающим православным населением, литовские магнаты предложили соединить браком старшую дочь Ивана Великого Елену с новым великим князем Александром, взошедшим на престол Русско-Литовского государства сразу после смерти отца короля Казимира. Магнаты литовские быстро уразумели, что при обрыве династической связи Польши и Литвы, есть только одно средство защититься от набирающей силу Руси Московской, и снискать приязнь государя Ивана Великого. Это – обеспечить счастливое супружество Александра Литовского и Елены Московской.

Доверенный Александра, наместник полоцкий Ян, писал первому московскому боярину, князю Ивану Юрьевичу Патрикееву так:

«...Литва и Москва наслаждались счастливым миром уже тогда, когда дед государя Ивана Васильевич, Василий Дмитриевич, совокупился браком с дочерью великого князя Витовта, Софьей Витовтовной...»

Вскоре в Москву приехало большое литовское посольство, во главе с паном Станиславом Глебовичем торжественно вручившее государю грамоту о взошествии Александра Литовского на престол. Пан Станислав за тем достаточно скромно и не воинственно потребовал некой компенсации за разорения ряда литовских городов и земель. На то глава боярской думы подружески намекнул пану, что никакой речи о компенсации убытков литовской стороне быть не может.

– Даже литовские пленники будут освобождены лишь тогда, когда ваш новый великий князь Александр удовлетворит всех обиженных русских и всех бывших подданных князей верховских, перешедших на нашу сторону... – категорически отрубил Патрикеев.

– Это же не лезет ни в какие рамки сношений, – возмутился пан Станислав. – Но...

– Никаких «но»... – мягко прервал его Патрикеев. – Тем более, если без этих «но» попытаться сгладить многое из нашего непонимания и вопиющих разногласий не на официальных переговорах... А на дружеском пиру, который я даю в твою честь, пан Станислав....

Во время весёлого пира и непринужденных бесед с главой боярской думы, пан Станислав – уже навеселе – признался князьям Ивану Патрикееву и Федору Ряполовскому:

– А давайте-ка, князь Иван и князь Федор, устроим брак нашего великого князя Александра с вашей княжной Еленой... Скажи, вы, лично согласны с таким решением наших запутанных отношений?.. Поспособствуете со своей стороны?.. А я бы со своей стороны обработал литовскую раду...

Бояре отмалчивались поначалу, продолжая весело пировать с паном, которому очень понравились московские вина ромейские и меда стоялые. Но, будучи уже совершенно нетрезвым, пан стал настаивать:

– Вы лично, первые князья и бояре московские за или против этого великого династического брака?.. Вашего же государя мы не можем даже всей нашей радой обязать отдать за Александра Литовского свою дочку-княжну... А если мы надавим с двух сторон, тележку-то сдвинем... – пан радостно икнул и показал, как он плечом даёт еле заметное ускорение тяжелой телеге. – ...Наша рада на Александра надавит, а ваша дума на государя... – Пан снова пьяно икнул. – В итоге все вместе, заедино... – Он обвёл глазами собеседников, тоже навеселе, порывисто пожал им руки. – Так сдвинем с мертвой точки тележку... все вместе... с накопившимся тяжелым ворохом наших неразрешимых на сегодня вопросов...

– Неймется, тебе, пан Станислав толкать тележку... – несколько мрачно промолвил Ряполовский.

– Завтра обговорим всё на трезвую голову... – улыбнулся Патрикеев. – Много, ты прав, накопилось вопросов...

– Сказать, какой главный вопрос между нашими господарями? – сказал пьяным голосом пан, икнув. – Вот, видите, меня сейчас Александр поминает, раз так страшно икается... Так вот великий князь Александр Литовский и Русский сам имеет в своём имени слово «Русь» и, насколько мне известно, будет стоять до последнего, упорствуя...

– Не чём стоять будет? – потряс за плечи пана Ряполовский. – говори толком.

Где будет упорствовать? – переспросил нетрезвого пана Патрикеев. – Там надо соломки подложить, чтобы нашей думе и вашей раде не упасть больно...

– Александр Литовский и Русский против того, чтобы ваш государь Иван в сношениях с ним, да и другими государствами, называл себя «Государем всея Руси»

– ... Так ведь ещё предок Ивана Великого, Иван Первый – «Калита» придумал такой оборот «всея Руси» для себя... Включил в свой титул, следуя образцам русских митрополитов... – задумчиво сказал, вспомнил что-то, казалось бы, совсем забытое, Патрикеев.

Ряполовский наморщил лоб, радостно хлопнул себя по лбу и воскликнул громко:

– А впервые «Государем всея Руси» своего двоюродного племянника назвал покойный князь Михаил Верейский... Между прочим, у вас в Литве находится его сын Василий Удалой, он и подтвердит... Видите, православные русские, что на московской стороне, что на литовской возражать не будут...

– Знаем, хорошо знаем ваших беглых князей, и Василия Удалого и Михаила Тверского... – ответил заплетающимся языком пан. – От них узнали, что ваш государь Иван Васильевич больше хана Ахмата боялся ашего короля Казимира. Когда к реке Угре подошел хан Ахмат, а в Москве опасались, что туда идут войска Казимира, ваш государь отправил свою семью в северные монастыри... Верно?..

Посол победно оглядел недовольные лица Патрикеева и Ряполовского. Почуял, что не очень приятны речи его, насупились князья, плечи в головы втянули – нечем гордиться, именно этим государя попрекали. Римлянку Софью с детьми тот спасал, когда можно было бы оставить семейство в Москве ради спокойствия народа. А посол витийствовал:

– Узнали мы от вашего беглого князя Михаила Тверского, что княжне Елене вместе с матерью пришлось пробыть на Белом озере около года... Наслышаны мы о том, что там княжна много читала церковных книг, полюбила духовное пение, к греческой вере душой прикипела... Вот и давайте устроим брак вашей благочестивой княжны Елены с нашим великим князем Александром... Чем не пара?.. Мы всей радой уломаем Александра, как его отца короля Казимира уламывал запросто... А вы подход найдите у себя к вашему государю... Только одна просьба есть крохотная: пусть будущий тесть в договоре с зятем Александром не именуется «Государем всея Руси»...

Долго сопели бояре Патрикеев и Ряполовский, обдумывая предложение посла... Однако на следующий день при встрече с Патрикеевым и Ряполовским пан Станислав мыслил весьма трезво и прагматически, сказав, что все литовские сенаторы рады желают брака Александра и Елены, и они постараются по его возвращении на родину разведать на этот счет мысли Александра. Перед самым расставанием пан бросил:

– Только перескочить бы через камень преткновения тестя с титулом «Государя всея Руси» зятю с титулом «Великого князя Литовского и Русского»...

Дело династического брака Александра и Елены требовало больших усилий и осторожности его сторонников как с литовской, так и московской стороны, поскольку этот брак и сам длительный процесс сватовства двумя сторонами связывался с «вечным миром». Причем литовская рада и правительство великого князя Александра были предупреждены, что искренний

«вечный мир» может быть, действительно, легко утвержден, если Литва удержится от «речей лишних» и «требований неосновательных, – так писал князь Патрикеев наместнику полоцкому Яну и послу Станиславу.

В ответ на эти послания литовская рада, с подачи наместника Яна и посла Станислава писала главе московской боярской думы Ивану Юрьевичу Патрикееву:

«...Господарь ваш в листе своём к нашему господарю написал себе имя свое высоко не по старине, не подлуг того как издавна обычай бывал, Сам же того, княже, посмотри, гораздо ль то деет? Старину оставляете, а новые дела вступаете».

Патрикеев напомнил, что московский государь хорошо знает свою старину, тем более, что Южная Русь издавна является достоянием потомков Владимира Святого, что князья Гедиминовичи овладели ею, пользуясь невзгодой последних. Александру Литовскому и Русскому дано было понять, что теперь эта невзгода ночует на стороне Литвы, и именно ему надобно спешить с мирным договором с Иваном Великим, носящим титул «Государя всея Руси».

Государь Иван не торопился с миром и династическим браком своей дочери, непрестанно побуждая своего верного союзника Менгли-Гирея воевать южные земли Литвы от Очаковской цитадели. В ответ на государевы воззвания хану посол Александра, князь Глинский, прибыл в Крым и стал с угрозами требовать, чтобы союзник Москвы снес Очаковскую цитадель на литовской земле. Однако в угоду Ивану Великому хан задержал посла Глинского и зимой 1493 года подступил к Киеву и даже выжег окрестности Чернигова. Правда, вскоре из-за разлива Днепра и весенней распутицы возвратился восвояси.

Между тем по повелению Александра черкасский воевода Богдан к великой досаде воинственного хана, истратившего сто пятьдесят тысяч алтын на возведение цитадели на древних развалинах, разорил Очаков. По этому поводу хан писал союзнику Ивану Великому:

«Мы ничего важного не сделаем врагам своим, если не будем иметь крепости Очаков в устье Днепра...»

Кроме того, верный союзническому долгу хан Менгли-Гирей доверительно сообщил государю, что Александр Литовский через неожиданного для всех посредника, турецкого султана предложил ему мир и почти четырнадцать тысяч червонцев за литовских пленников, томящихся у него. Но он, как верный союзник государя Ивана, не захотел даже слушать о том. После чего хитрый господарь Александр Литовский, следуя подлой политике покойного отца, короля Казимира, пытается возбуждать против Тавриды и Москвы Ахматовых сыновей.

Государь отвечал, что против яда ордынского хана Шиг-Ахмета, женатого на дочке ногайского хана Мусы, и его брата Сеид-Махмета у него всегда есть противоядие, и советовал не переставать тревожить южных Александровых владений новыми своими набегами и разорами.

Сразу после отмененного «конца света» новый союзник представился Ивану Великому, то был влиятельный князь мазовецкий Конрад из рода старинных польских венценосцев Пястов, представляющий интересы Тевтонского ордена. Будучи врагом сыновей покойного короля Казимира, Владислава, Яна Альбрехта и Александра, он пожелал заключить союз с московским государем и даже, прослышав о литовском сватовстве его дочери, в противовес прислал варшавского наместника, Ивана Подосю, сватать Елену или Феодосию. Конрад Мазовецкий прямо предлагал союз против польской и литовской династии Ягеллонов и даже предлагал дать московской невесте в приданое несколько городов. Сей брак сулил определенные выгоды Москве для нейтрализации Литвы, но государь не торопился с изъявлением скорого согласия и послал послов в Мазовию для заключения договора о намерениях в связи с возможным династическим браком. Его интересовало, – какую помощь может оказать князь Мазовецкий в борьбе с Казимиром и какие мазовецкие города и области могут быть закреплены за его дочерью после династического брака?

Жестко поставленные вопросы, по всей видимости, отпугнули жениха Конрада... Только не исключено, что прослышав про новое сватовство московского государя, литовские магнаты ускорили процесс подписания мирного договора Литвы и Москвы вместе с устройством брака Александра с Еленой, в обход неожиданно объявившегося соперника Конрада, оставив того с носом.

Узнав про отсрочку сватовства с Конрадом Мазовецким, государь, памятуя о третьей попытке устройства династического брака своей дочери, сказал Патрикееву и Ряполовскому:

– Бог любит Троицу... Ускорьте по своим каналам подписание мирного договора с Александром, не забывая об устройстве его брака с Еленой. Александр ведь заинтересован в мире, раз мы у него под носом расширили наши пределы государственные до Жиздры и самого Днепра...

– Причем без всякой «малой войны»... – поддакнул государю князь Иван Патрикеев.

– Действуя не столько мечом, сколько приманкой для владельцев древнерусских отчин... – добавил князь Семен Ряполовский. – Александр созрел для «вечного мира»...

– И для брака тоже созрел... – весело пошутил в присутствии своих ближних князей государь. – ...Как никак уже тридцать четвертый годок пошел женишку литовскому, а он без дела простаивает, о потомстве не задумывается... Я в его годы зрелые к таинству брака по второму разу уже приобщился...

После продолжительных переписок и пререканий договор о дружбе и взаимопомощи между Литвой и Москвой был готов уже к концу 1493 года и подписан в Москве в январе 1494 года. Александр Литовский и Русский согласился всё же с титулом Ивана Великого «Государь всея Руси».

Из этого договора следовало, что Александр и Иван Великий дали самые серьёзные обязательства не вторгаться в «законные» владения друг друга: первый отказался от притязаний на Новгород, Псков, Тверь, Ржев, Вязьму, Алексин, Рязань, Торуса, Козельск, Воротынский и многие другие; второй – от притязаний «пока» на Смоленск, Любутск, Мценск, Мосальск, Серпейск и Брянск. Что касается удельных русских князей, то Александр снял вассальную зависимость с князей Воротынских, Одоевских, Белевских и одной ветви Мезецких. Иван Великий, со своей стороны согласился признать сюзеренитет Александра над другой ветвью князей мезецких. Договор, в целом, был более выгоден Москве, чем Литве, вынуждая Александра отказаться от важной спорной пограничной территории верховских городов и Вязьмы.

По-прежнему в опале у Москвы были потомки врагов Василия Тёмного, князей Ивана Можайского, Дмитрия Шемяки, Василия Боровского, вместе с Михаилом Тверским и Василием Удалым. До этого договора государь пошел на некоторые поблажки в отношении изгнанника Василия Удалого, когда посланный в Литву посол Загрянский передал письмо сына государя Василия самому Удалому, сыну Михаила Верейского. В этом письме сообщалось:

«...Князю Василию Михайловичу дозволяется возвратиться в Москву, ибо великая княгиня Софья исходатайствовала ему прощение...»

Но оскорбленный подлогом тверского приданного Софьей и изгнанием незаслуженным его вместе с супругой Марией Палеолог, Василий Удалой не отозвался на «прощение» по ходатайству нечистоплотной в делах родичей Софьи и не двинулся в Москву. Потому государь, словно в отместку Софье за её неудавшееся ходатайство советовал будущему зятю Александру Литовского «не пущать Василия на родину».

Параллельно с процедурой присяги в верном соблюдении мира Литвы и Москвы послы литовские начали дело сватовства. Государь Иван официально изъявил согласие выдать свою дочь Елену за Александра Литовского, взяв слово, что жених не будет требовать с невесты перемены православной веры.

За день до договорной присяги, послы в палатах великой княгини Софьи были допущены до невесты Елены. В день смотрин и обручения невеста Елена вышла к послам в золо-

том венце с жемчужными нитями – так повелел государь, чтобы потрясти послов литовских. Мол, знай наших! Здесь же в присутствии бояр, способствовавших устройству этого династического брака, Патрикеева, Ряполовского и других, совершилось обручение. Выяснилось, что старший литовский посол Петр имеет вторую жену в новом браке, и не годится для обряда обручения. Тогда, выполняя строгие церковные правила, второй неженатый посол Станислав Гастольд радостно заступил на место жениха в строгом православном обряде обручения с Еленой; иереи читали молитвы... Состоялся обмен перстнями и крестами на золотых цепочках жениха и невесты, всё было в Москве чин чинарём... Как теперь сложится в Вильне?..

6. Приготовление и низложение Зосимы

Послы Александровы за свои труды получили от государя в дар богатые шубы с серебряными ковшами для питья веселого застольного, – уж больно им в Москве понравились меда стоялые во время трёх обедов, данных в их честь государем.

Отпуская понравившихся ему послов литовских, с которыми и договор обтяпали, и основы династического брака заложили, государь торжественно им напомнил:

– Пётр и Станислав! Милостью Божьей мы утвердили здесь дружбу с зятем и братом Александром... Что обещали, то исполним... Послы мои будут свидетелями его клятвы...

Государь показал взглядом на послов, князей Семёна и Василия Ряполовских, Михаила Яропкина и ближнего дьяка Федора Курицына и сурово добавил:

– Пётр и Станислав! Дайте слово честное, что ваш властитель Александр Литовский обяжется грамотой не беспокоить супруги, моей дочери Елены, в рассуждении веры...

– Честное слово, великий князь, государь всея Руси... – выдохнул торжественно старший посол Пётр.

– Честное слово... – промолвил посол Станислав.

Главным условием Ивана Великого было сохранение его дочерью православной веры. Даже после помолвки Елены в Москве многие детали устройства брака оставались ещё не оговоренными. Для завершающей стадии этого ответственного устройства государем с поручением в Вильну были посланы его доверенные послы Семён и Василий Ряполовский, Михаил Яропкин и Федор Курицын.

Но в Вильне возникли препятствия на пути к браку Александра и Елены. Послы литовские Станислав и Петр выполнили своё слово, данное государю: обязали своего великого князя Александра не настаивать на изменении православной веры супруги Елены. Но и латинские епископы и ксендзы не дремали. По их наставлениям, Александр, присягнув и разменявшись мирными договорами, вписал в грамоту о законе своей будущей супруги такие хитрые слова в дополнение:

«Если же великая княгиня Елена сама захочет принять римскую веру, то её воля».

Сие дополнение в грамоте едва не сломало устройство брака, в любом случае, надолго отодвинуло его финальную стадию. Государь был в гневе на своего интригующего зятя будущего, который явно указывал свои истинные намерения обратить его дочь в латинство.

Государь велел своим послам передать своему будущему зятю возмущение будущего тестя: «... По-видимому, ты, великий князь Александр Литовский не сильно хочешь быть зятем государя всея Руси Ивана...»

Король Александр Литовский проглотил и новое упоминание титула своего будущего тестя, «государя всея Руси» и недовольство вставкой с ведома воинствующих латинян.

Грамоту о законе супруги Елены в Вильно переписывали настолько долго, что многие в Москве махнули рукой на дальнейшее устройство брака, как на безнадежное дело. Конфликт грядущий латинской и православной церковью был налицо и требовал наведения порядка в своём доме греческой веры.

Поскольку рыба всегда тухнет с головы, государю с разных сторон от священников ортодоксального крыла церкви, настроенных консервативно, и требующих расправы не столько над латинянами, сколько над еретиками и вольнодумцами, шли бесконечные жалобы и поклёпы на митрополита Зосиму. Главным обвинение было даже не то, что старый митрополит не радел о делах православной веры, и не шибко боролся с еретиками, а любил вино и меда, не прочь был пображничать со своими прихлебателями и крепко заложить за воротник даже в постные

дни. Но, поди, проверь такие суровые обвинения, поймай за руку обвиняемого или устыди его обвинителей-гонителей за поклёп несправедный...

Зосима Брадатый, являясь выучеником Алексия-Авраама и другом тайных иудеев, не дерзнув покровительствовать на Соборе обличаемых в грехах вероотступничества еретикам и проводя церковную политику по принципу «и вашим, и нашим» в течение всех лет своего пребывания на митрополичьем престоле подвергался самым резким нападкам со стороны ортодоксальных фанатиков. Причём главу церкви чернил не только его старый ненавистник епископ Геннадий Новгородский, к нему присоединились в своих страстных нападках на митрополита Иосиф Волоцкий (в миру Иван Санин), Нил Сорский, Савва и многие другие.

Иосиф Волоцкий внушал своим сторонникам: «...На московском святом престоле сидит злобный волк первый отступник от святителей в нашей земли, «иже сына Божия пограл и Пречистую Богородицу похулил»...

Во времена первосвятительства Зосимы, поставленного на митрополичье и поддерживаемого государем, Иосиф Волоцкий возбуждал против «волка в овечьей шкуре» не только простых прихожан, но и самых влиятельных епископов. Волоцкий снесся с епископом Нифонтом Суздальским, писал ему как соратнику по немедленному и обязательному низложению еретика-митрополита Зосимы, способствующему распространению ереси жидовствующих:

«...Сокрылись от нас, отлетели ко Христу древние орлы веры, Святители добродетельные, коих глас возвещал истину в саду Церкви и которые истерзали бы когтями всякое око, напрасно зрящее на божественность Спасителя. Ныне шипит тамо змий пагубный, изрыгая хулу на Господа и Его мать... Заклинаю тебя, владыка Нифонт, помоги очистить церковь православную от неслыханного соблазна еретиков и вольнодумцев, открой глаза государю на несправедного митрополита...»

Ученый инок Савва в широко распространяемом «Послании на жидов и еретиков» гневно писал без пиетета к покровителям митрополита – «злобного волка и пагубного змия»:

«Аще бо царь или князь... не преклоняется Богу нашему Спасу Господу Иисусу Христу,... той воистину раб есть и будет проклят...»

Подобные обличения Зосимы его яркими врагами неизбежно бросали тень на его «царских» покровителей – государя Ивана Великого, великую княгиню Елену Волошанку, ближнего государева дьяка Федора Курицына, Ивана Максимова и многих других. Но главным объектом критики в обличении Зосимы, конечно, был государь; угроза была очевидна: «раз царь поддерживает еретика-митрополита, изрыгающего хулу на Спасителя и Богородицу, то и мам такой царь воистину раб и скоро проклят церковью будет». Решительный сигнал пришел государю из недр церкви. Церкви, пока ещё поддерживающей его власть и княжью волю, что от Господа Бога. Только резкое обвинение «царя в пособничестве еретикам» грозило государю Ивану непредсказуемыми неприятностями. И это накануне опасного сближения с Литвой посредством хрупкого династического брака его дочери Елены...

Государь внимательно следил за деяниями его выдвиженца Зосимы Брадатого на митрополичьем престоле. Тот вроде как соблюдал наружную пристойность, только с точки зрения его критиков и врагов, скрытно вредил православному христианству. В доносах на митрополита писалось, что тот весьма вольно и даже ложно изъяснял Священное Писание; с радостью неопикуемой и удивление находил в нём противоречия, при этом охотно делился своими «открытиями» публично. В порыве искреннего отрицания некоторых фундаментальных основ Христианства, посягал на учение Евангельское, Апостольское, Святых Отцов.

Государь запомнил обвинение ортодоксов-консерваторов в посягательстве митрополита на основы Христианской Веры, где приводились дословно слова сомневающегося митрополита Зосимы:

«то такое Царство Небесное?.. Что такое второе Пришествие и Воскресение мертвых?.. Запомните, великие грешники, кто умрет с грехами или, по его разумению, без оных, того нет, и не будет уже никогда...»

Тошно было на душе государя, что главным обвинителем его митрополита был корыстный, погрязший в симонии епископ Геннадий. Вот и слова крамольные приводит к месту, обвиняя митрополита в «непризнании второго Пришествия, неминуемого Воскресения, загробной жизни и мздовоздаянии».

«А ты сам-то веришь в это, государь всея Руси, живот кладущий ради собирания её земель, отнятых и исковерканных врагами, и народов, хлебнувших лиха под коварными властителями и латинянами? – жестко и неліцеприятно спросил себя государь. – Конечно, принимаю веру православную с её догматами святых отцов, раз на то пошли мои князья предки... Да, их и моя княжья воля – это Божья воля... Только есть ведь ещё свобода как воля, свобода выбора, вольная воля выбирать себе человеческую судьбу, воля выбирать судьбу своему народу, государству. Может, потому мне так близка мысль ближнего дьяка Федора Курицына о «свободе воли и самовластии души» на основе знания, образования, опыта и интуиции государевой, наконец... – Иван Васильевич уже решил для себя, что надо до отсрочиваемой свадьбы дочери во всём разобраться с Зосимой. Либо оставлять на митрополичье, либо гнать взащей на радость врагов его и Елены Волошанки. Либо – либо... – ... Не даёт покоя обвинение Геннадия митрополита... А ведь в чём-то и я внутренне согласен с обвиняемым... Ведь если разуметь жизнь загробную в смысле второго пришествия, мучительного ада и рая с его вечным блаженством, то совершенно справедливо, что и я тоже сомневаюсь в этом мифическом рае-аде, поскольку не было в моей жизни о том реальных достоверных подтверждений... Хотя и верилось, что души супруги Марии, нашего с ней сына Ивана Младого и дочки Елены от Софьи, умершей во младенчестве, в рай устремились... А что я принимаю всем своим существом помимо идеи рая-ада на Небе? Признаю жизнь вечную и возмездие здесь и везде на грешной земле Руси Святой и мной любимой... Как земной русский человек, княжья воля которого равна Божьей, признаю до такой степени земную жизнь вечную и земное возмездие до такой степени, что ставлю это выше вечной жизни на небе и небесного возмездия... Почему в этом собственном мнении, выстраданном всей своей жизнью и судьбой, уверен? Почему не тороплюсь вместе с епископом Геннадием осуждать «еретика-митрополита» за его сомнения насчёт Воскресения, второго Пришествия, загробной жизни?.. А потому что верю больше всего в мздовоздаяние от современников и потомков на земле Русской... А чего ждать от иноземцев?.. Как живу и как стремлюсь к земному мздовоздаянию?.. Да, хитрю, да, ловчу, да, ужом изворачиваюсь в государевых делах с единоверцами и с иноземцами коварными – им палец в рот не клади, – по локоть, а то по шею откусят... И всё же, тем не менее, стремлюсь так жить и государить, чтобы всякий мой добрый поступок увеличивал бы истинное благо моей вечной земной жизни, а всяких нежелательный злой поступок уменьшал бы накопленное благо, – так не делай зла, государь... Только кто его знает, злой или не злой поступок погнать с митрополичья в три шеи пьяницу Зосиму, добрый или так себе поступок – посадить на престол вместо Зосимы, например, троїцкого игумена Симона?.. А как быть с фанатиком-ортодоксом Геннадием, погрязшим в симонии? Бьёт в самый под дых государю и Елену Волошанку на радость Софье и латинянам скрытым... А ведь в своей корыстной симонии Геннадий лукавит зло и кощунствует! Про спасителя нашего Христа, выгнавшего из храма продавцов и покупателей, тоже говорили, что он кощунствует... Только если бы он пришел теперь и увидел, что делает его именем в церкви тот же Геннадий по образу и подобию латинян, то ещё с большим и законным гневом выкинул бы из лона православной церкви корыстных продавцов и покупателей церковных должностей и санов духовных... Но сначала надо разобраться с Зосимой до свадьбы Елениной, – уж больно многих честных святых отцов православия возбудил он против себя, уж больно многих честных священников удалил он из церкви, способствуя расколу с

лукавыми словами: «Не должно злиться на еретиков и вольнодумцев, пастыри духовные да проповедуют только мир, но не войну!» А сам пьянствует... Явлюсь к нему в один денёк Поста Великого и повелю: «Дыхни-ка митрополит в нос государю!» Трезв будет – оставлю на митрополичье, пусть сидит покудова, а если пьянь почую в дыхании, то пойдёшь, Зосима, простым иноком в Симонов монастырь, откуда я тебя вызвал на митрополичье, или в Троицу грехи свои замаливать...»

Понимал государь, что не излишнее пристрастие к вину суть и причина низложения Зосимы с митрополичьего престола. Более того, что добровольная отставка или низложение «не по своей воле», под нажимом государя, митрополита Зосимы будет многими духовными и мирскими воспринята как признак слабости государевой власти.

«Только придётся пьяницей пожертвовать... – мысленно приказал себе государь, явившись с несколькими доверенными боярами и дьяками пред очи митрополита в пост великий, когда тот не ожидал ничего подобного. – ... Если трезвый дух исторгнет Зосима, оставлю назло Геннадию с его присными Брадатого на престоле до лучших или худших времён...»

Увидел Зосима пред собой в неурочный час в разгар дня великого поста государя своего, – даже дыхнуть по требованию государя не изволил. И так всё ясно – перегаром за версту несёт...

Перед тем, как велеть ему, пьянице Зосиме, без шума и суда громкого удалиться в свой Симонов монастырь, прочитал по памяти государь слова из Евангелия от Матфея, заменив некоторые слова о блуде и прелюбодействе с женщиной применительно к пьянству, губящему душу праведника вино губительное.

– ...Всякий, кто смотрит на вино с вожделением, уже блудит в сердце своём... Если же правый глаз твой соблазняет тебя вином и пьянством-блудом, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, но не всё тело твоё было ввержено в геенну... И если правая рука соблазняет тебя в блуде-пьянстве, отсеки её и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не всё тело твоё было ввержено в геенну...

Преемником Зосимы в митрополии с подачи государя стал троицкий игумен Симон, убежденный в православии, однако робкий и внушаемый, готовый подчиняться беспрекословно приказам Ивана Великого. Все понимали, что, с одной стороны, таким способом государь нашел новый противовес епископу Геннадию, алчущим митрополичьего престола на волне борьбы с ересью. А с другой стороны, терпимое отношение к ереси в Москве не изменится, пока у власти будет находиться Иван Великий, блюдуший тайные государственные интересы престолонаследника Дмитрия-внука, великой княгини Елены Волошанки, Курицына, лидеров боярской думы и других вельмож, покровительствующих почему-то тайным иудеям.

Когда архиепископы торжественно нарекли Симона достойным первосвященства русской православной церкви, государь, сопровождаемый Дмитрием-внуком, Василием-Гавриилом, другими сыновьями, боярами и дьяками пошел с Симоном в Успенский собор.

Пока подходили к Успенскому собору, государь, поставив справа от себя Дмитрия-внука, а слева – сына Василия, сказал, обращаясь к обоим:

– Княжья воля даётся не для осуждения архипастырей, а для вспоможения им земли собирать древнерусские и народы для процветания Руси Святой...

Дмитрий и Василий пытались своим прозорливым умом оценить, к кому из них, будущим государям, обращается их отец и дед, Иван Великий. Кто будет государем из них?.. Хотя стоящий по правую руку от государя вроде должен иметь преимущество – справа, значит прав, правее того, что слева... Дмитрий-внук сиял улыбкой, а Василий сутулился, ёжился и хмурился... Хотя оба претендента чувствовали нутром, что никого из них государь не хотел обидеть, никого...

У самых дверей Успенского собора государь неожиданно промолвил в полной тишине, снова обращаясь к Дмитрию и Василию:

– Выше меры моей есть дело сие – на митрополичье ставить владыку... Собор архиепископов удостаивает править русской православной церковью, а по большому счету, Бог... Только Божья воля и великокняжеская совпадать должны – тогда и государь праведно государит, и милосердствует, и наказывает тоже праведно... Иначе и государить грех, когда княжья воля – одно, а Божья – другое...

В церкви Успения поклонились торжественно иконам святым и гробам отчим и святительским. После пения, чтения молитв и тропарей, государь взял Симона за руку и, выйдя с ним так из церкви, передал его архиепископам, которые отвели его в старинный дом митрополитов.

В день же посвящения Симон ехал «на осляти», которого вел знатный боярин Михайло Русалка. Государь во время совершения обряда посвящения сказал Семену Ряполовскому:

– Скоро и ты, Семён, поведёшь свадебный поезд Елены на запад в Литву, возьми себе в напарники Русалку... Уж больно красиво ослятю вел боярин под владыкой... Я аж загляделся на него и внутренне рослезился...

Когда новый митрополит взошел на своё место, священнодействие остановилось. Все взоры присутствующих на посвящении обратились к государю, который торжественно поднял руку и громогласно сказал новому митрополиту Симону:

– Всемогущая и Животворящая Святая Троица, дарующая нам государство всея Руси, подаёт тебе сей великий престол архирейства руковозложением архиепископов и епископов нашего царства. Восприими жезл пастырства; взыди на седалище старейшинства во имя Господа Иисуса. Моли Бога о нас – и да подаст тебе Господь здравие с многоженством.

Тут хор певчих возгласил приветствие на греческом: «Ис полла ети, Деспота»... «На многие лета, владыка»...

Митрополит отвечивал:

– Всемогущая и вседержавная десница вышнегода сохранит мирно твое Богопоставленное Царство, Самодержавный Владыко! Да будет оно многолетно и победительно со всеми повинующимися тебе христолюбивыми воинствами и народами! Во вся дни живота твоего будя здрав, творя добро, о государь самодержавный!»

Певчие провозгласили государю Ивану Великому многие лета... Глаза двух престолонаследников государя, Дмитрия-внука и сына Василия-Гавриила наполнились слезами радости и гордости за деда и отца...

Только через одиннадцать месяцев после помолвки Елены и Александра, под самое православное Рождество, 6 января 1495 года, прибыло литовское посольство, чтобы доставить невесту в Вильну. Воевода виленский, наместник полоцкий, наместник брянславский, и множество знатнейших литовских вельмож приехали в Москву за невестой Еленой, блистая великолепием одежды, манер, украшением карет и коней.

В торжественной вверяющей грамоте, зачитанной от имени жениха и зятя, великий князь александр Литовский именовал государя дорогим отцом и тестем.

Выслушав речь посольскую, государь сколь торжественно, столь и миролюбиво отвечивал:

– Государь ваш, брат и зять мой, восхотел прочной любви и дружбы с нами: да будет! Отдаём за него дочь свою... Но он должен помнить условие непременно, скрепленное его печатью, чтобы дочь наша не переменяла Закона Веры ни в коем случае, ни принужденно, ни собственной волей... Скажите ему от нас, чтобы он позволил ей иметь придворную церковь греческую. Скажите, да любит жену, как Закон Божественный повелевает, и да веселится сердце родителя счастьем супругов!.. Скажите от нас епископу и панам вашей Думы государ-

ственной, чтобы они утверждали великого князя Александра в любви к его супруге и в дружбе с нами. Всевышний да благословит сей союз Москвы и Литвы!»

Послы извинялись за 11-месячную задержку с посольством великим в Москву и взахлёб рассказывали знатным московским князьям-боярам Патрикееву, Ряполовскому, Русалке и другим:

– ... Желая обезопасить себя от притязаний Москвы, Александр Литовский мечтает, что посредством заключенного союза и долгожданного брака с Еленой, дочерью государя всея Руси, между старинными неприятелями Литвой и Москвой воцарилась такая же приязнь, какая была между тестем, великим князем Витовтом и зятем его, Василием Дмитриевичем.

Патрикеев задумчиво дернул за рукав Ряполовского и мрачно, с заметной грустью сказал:

– Странный роковой намёк... Или литвины не понимают, что радуются напрасно... Всё наоборот, с ног на голову поставлено... Только не в пользу Литвы уже, а ныне в пользу Москвы

Горько усмехнулся и Ряполовский:

– Подзабыл Александр, что, несмотря на кровный союз Василия и Витовта, отдавшего замуж силой свою дочку Софью, потом шла многолетняя борьба на жизнь и на смерть между Москвой и Литвой...

– Про применение силы Витовта в замужестве дочери можно не упоминать... Государь наш здесь совсем не походит на Витовта... – уточнил Патрикеев. – Суть в другом. Витовт – это сегодня государь Иван, а Александр – это слабый Василий...

– Это точно... – хохотнул и подмигнул соратнику Ряполовский. – Роковое желание Александра исполнилось: между Москвой и Литвой возобновились те же отношения, какие были при Витовте и Василии... С той только разницей, что теперь сила на стороне Москвы и государя, к тому же Иван Великий не хочет пожертвовать спокойствию дочери свою главную цель – отнять у Литвы свою отчину с древнерусскими землями Юго-Западной Руси...

– Это точно, не пожертвует... А только возбудит в Вильне соперничество православия с латинством...

– Каково теперь в Москве-то... Софья гоголем ходит... На Елену Волошанку свысока глядит...

– А Елена Волошанка свысока глядит на Софью... Ведь пока впереди Василия Дмитрий-внук в иерархии государя значится...

– Вон дьяк государев Курицын высунулся... Давай-ка уточним, на всякий случай, не изменилось что в иерархии... А то здесь нос по ветру не удержишь – вмиг башку снесут...

– Видишь, не до нас труженику-дьяку... Всё вокруг послов литовских вьётся... Выживает для государя последние поветрия из Вильно, из латинского стана...

– И правда, трудно будет соблюсти даже в этом брачном династическом союзе соразмерности взаимовлияния и взаимоотторжения латинского и греческого начала...

7. Свадебный поезд Елены

Свадебный поезд московской невесты отправился 13 января 1495 года, после того, как государь, отслушав утром Литургию в Успенском соборе со всем своим великокняжеским семейством и с боярами, призвал литовских послов, торжественно вручил им Елену-невесту и церемонно проводил до расписных саней.

На Дорогомиловской – чтобы дорога была милая! – заставе, на окраине Москвы Елена остановилась, жила там два дня, две ночи ночевала с дочерью мать Елена, давая ей последние, тайные наставления.

Брат невесты, 17-летний Василий, угостил здесь послов великолепным обедом, во время которого вина драгоценные и меда стоялые лились полноводной рекой без начала и конца. Повод-то был значительный: Русь с Литвой замирялась, и на алтарь замирения приносился брак династический московской первой невесты Елены и литовского первого господаря Александра. Да и чтобы свадебный поезд не застрял в русских просторах, чтобы воистину дорога на запад оказалась милой, требовалось и литовским послам, и сопровождающим московским боярам напиться, как следует, по-настоящему «на долгую дорогу-дороженьку».

Дважды на Дорогомиловскую заставу наведывался сам государь, словно чуя, что видит любезную доченьку в последний раз...

Сурово глядел на великую княгиню Софью и выговаривал:

– Небось, нашептались, две кумушки за спиной отца-государя?..

Елена вспыхнула:

– Ну, что ты, батюшка... Разве можно...

Великая княгиня одернула государя, глядя на него свысока и без должного пиетета.

– Какие-то наставления женские даются не для мужских ушей... – и презрительно фыркнула... – Нечего смущать девицу и любопытствовать излишне...

«Знаем твои наставления византийские опытной интриганки... – подумал государь. – Хочешь разыграть литовскую карту замужества дочери, чтобы пододвинуть к престолу своего сына-первенца Василия-Гавриила в обход моего Дмитрия-внука... Впрочем, почему только «её» сын?.. Он такой же и «мой»... Только пока так складывается, такова правда жизни, что мой внук ближе к сердцу государеву, чем сын мой...»

– Ну, ладно, не буду пытаться ни дочку, ни матушку... То ваше дело кумушек наставления бабьи давать и им следовать... Только доченька, есть ещё отцовские наставления, нарушать кои нельзя царевне московской... От нарушений таких в латинском стане большой ущерб государству Русскому может сделаться...

– Твои наставления, батюшка, для меня наиглавнейшие... – сказала Елена и посмотрела смущенным взглядом в непроницаемое лицо величественной матери, слышущей первой интриганкой в Москве, – «Да и в Литве теперь тоже» – подумала без тени улыбки невеста.

– Вот я тебе и зачитаю их... А, чтобы ты никогда на девичью память не ссылалась, мол, не помню, подвела память, я тебе вручу эту драгоценную записочку отца-государя... Храни её, как зеницу ока... несколько раз на дню туда заглядывай даже тогда, когда содержание записки назубок выучишь... В записочке не только рука великого князя московского видится, там воля княжья, равная для тебя Божьей воле...

– ...Читай, не томи душу... – снисходительно сказала Софья, подумав про себя: «Я ведь тоже дочери княжью волю, только тайную, материнскую, насчёт Василия-Гавриила, велела исполнить, снесясь с женихом, супругом Александром... Насчёт ослабления влияния Елены-Волошанки в Москве и отсрочки венчания на царство Дмитрия-внука через изгнание иудеев из Литвы латинской церковью по велению великого князя Литовского...»

Весёлый вопросительный блеск светился в глазах высокой, грациозной Елены, в неяркой, но чистой и нежной красоте всего её девичьего облика. На лице её играло ласковое, доверительно-шаловливое выражение, когда отец неторопливо доставал и разворачивал памятную записку для московской невесты.

«А вдруг, правда, я уже больше никогда не увижу отца?.. Вдруг так всё случится и устроится в моей жизни, что я никогда не услышу его голос, такой родной и близкий?..» – подумала Елена и почувствовала сильное сердцебиение и лёгкое головокружение от пронзительной мысли – «Неужто всё это в последний раз? Родителей вижу в последний раз... Слушаю батюшку в последний...»

Впоследствии, уже в Литве Елена часто доставала эту достопримечательную записку отца, написанную в середине января 1495 года, и когда читала, всегда слышала голос спокойный требовательный голос отца-государя, – и всегда к глазам подступали слёзы...

А Иван Васильевич, подбоченившись, время от времени поглядывая со значением то на взволнованную дочь Елену, то на супругу Софью с непроницаемым лицом непобедимой интриганки – думавшей во время чтения о своём, как бы тайно от государя и половчее с помощью латинской церкви изгнать из Литвы своего зятя всех иудеев для ослабления московских великокняжеских позиций своей личной соперницы Елены-Волошанки и отсрочки коронования её сына Дмитрия.

Государь читал записку уверенно, не форсируя голоса, с выражением, с чувством собственного достоинства отца, благословляющего свою дочь на добрые дела следования греческой вере их дедов и прадедов в опасном стане латинян:

– Память великой княжне Елене... В божницу латинскую не ходить, а ходить в греческую церковь... Из любопытства можешь видеть латинскую церковь или монастырь латинский, но только однажды или два раза. Если свекровь твоя будет в Вильне и не прикажет тебе идти с тобою в божницу, то проводи её до дверей и скажи учтиво, что идёшь в свою церковь...»

Государь ничего не забыл в своей памятной записке дочери и в особом тайном предписании, обращенном к главе свадебного поезда Семену Ряполовскому как ответственному за соблюдение в полной мере всех государевых интересов. В тайном наказе для Ряполовского приказано было требовать, чтобы Елена венчалась в греческой церкви, в традиционной русской одежде, и при совершении брачного обряда на вопрос епископа о любви её к Александру Литовскому должна ответить:

«Люб ми, и не оставити ми его до живота никоея ради болезни, кроме Закона; держать мне греческий, а ему не нудить меня к римскому».

Кроме главы московского посольства невесту в свадебном поезде сопровождали боярин Михайло Яковлевич Русалка и Прокофий Зиновьевич с женами, дворецкий Дмитрий Пешков, дьяк и казначей Василий Кулешин, несколько окольничих, стольников, конюших и более сорока детей боярских.

Во время прощания с дочерью у государя брызнули слёзы, прямо на виду у всех. Великая княгиня Софья не проронила ни слезинки.

Елена простилась с родными. Путь лежал в далекое неведомое Великое княжество Литовское. Тревожно было на сердце невесты, какие там нравы, кто будет окружать великую княгиню литовскую. Она попросила рассказать о Литве посольского дьяка Курицына. А тот вместо долгого рассказа дал в руке княжне письмо оттуда с той стороны с рассказами о житействе тамошним: «...Паны здесь живут богато, строят себе замки каменные. Дом их – полная чаша, и в деньгах всегда избыток. Одеваются просто, кто как хочет, и в богатых платьях не хаживают. Жены панов, и они сами не гоняются за модой, носят прадедовскую одежду, и обычаев польских не перенимают. К столу у них подаются борщ, утка с перчиком, полоток с грибами, а на праздник рисовая каша с шафраном. Но тортов и сластей заморских не знают.

Пьют паны мальвазию, пьют мёд и водку, а о венгерском вине и не слыхивают, за немецкими и польскими обычаями не гоняются...»

От Курицына Елена подробно узнала о своем литовском женихе: тот был четвертым сыном короля Казимира Ягеллона и Елизаветы Австрийской. Утонченная и образованная мать еще в детстве подобрала сыну воспитателей, польского историка Длугоша и итальянца Каллимаха. Чувство глубокого уважения и симпатии внушало и то, что знающий латынь и античных авторов, великий князь с упорным литовским характером отличается наружным спокойствием и радушием к том, кто ему дорог и равнодушен к остальным.

Немного полегчало на сердце Елены после рассказов Курицына, когда прочитала она о быте панов и князей литовских – повеселей пошла дальняя дорога. Движение свадебного поезда от Москвы до Вильны было полно безграничного торжества и веселья для русского и литовского народов, которые видели в союзе двух властителей, тестя и зятя, творимого на глазах приверженцев греческой и латинской веры залог долговременного, счастливого мира.

В Можайске первая остановка свадебного поезда, и здесь же была первая торжественная служба в Никольском соборе. Летописное упоминание связывает первую остановку свадебного поезда в связи с молебном у местной чудотворной иконы Николы Можайского, святыне и русских, и литвинов. Таков был неукоснительный наказ государя Ивана Великого – знаменоваться у чудотворного образа Николы православной невесте! – направляющимся в Литву к великому князю Литовскому Александру Казимировичу боярам Семену Ряполовскому и Михаилу Русалке, главным сопровождающим великую княжну Елену к ее знаменитому и коварному по русским меркам литовскому жениху латинской веры.

Из наказа государя следовало, что по пути в Литву с ответственным поручением главе миссии Ряполовскому и его правой руке Русалке первым наперво необходимо было предстать в Можайске пред одной из самых почитаемых на Руси чудотворных икон и заручиться небесной поддержкой святителя Николы. Историческую фразу из наказа: «...А в Можайске у святого Николы быти ей и молебен велети пети...» следовало толковать так: для Небесной Защиты невесты и в ее лице всей Руси Московской в грядущем мирном противостоянии с латинской Литвой обязательно надо предстать перед иконой, знаменитой чудесами государственными, обязательно отслужить торжественный молебен. Молиться надобно всем ради укрепления московско-литовских уз в хрупком равновесии и утверждающемся ладе приверженцев христианской веры в греческой и латинской традиции...

Первая остановка свадебного поезда в Можайске с православной русской невестой к литовскому жениху-латинянину должна было бы привлечь чудотворное действие священной иконы на брачующихся...

Можайскому молебну и Небесной защите его чудотворной святыни в самом начале пути свадебного поезда было уделено такое первостепенное значение потому, что по воле странных и трагических страшных обстоятельств эта Небесная защита не распространилась на Ивана Можайского и Ивана Младого (с можайской кровью в жилах) и на государева брата Андрея Большого, последнего можайского князя, заморенного год назад в тюрьме «Государем всея Руси». В Небесной защите этим людям было отказано – раз они были изгнаны и уничтожены...

Но на Руси во время правления Ивана Великого что-то случилось, что-то произошло, раз Небесная защита, не спасая конкретных людей, Ивана Младого, Андрея Большого, спасала Русь, стремительно расширяющееся Русское государство, прирастающее новыми землями и народами, что притягивались к Москве православной государя Ивана Васильевича...

Иван Великий, безмерно скорбящий о преждевременной гибели сына, рожденного от можайской княжны в трагических обстоятельствах выживания династии великих московских князей во времена Василия Тёмного, мучающийся оттого, что он погубил своего брата, можайского князя Андрея Большого в подозрении в измене, наказывал просить своих бояр в молебне подле Николы Можайского в новой Небесной защите своей дочери и всей Руси Московской...

Когда свадебный поезд Елены добрался до нового пограничного владения Москвы Вязьмы, поезд торжественно встретили все князья Вяземские с пышными свадебными дарами.

Не менее пышный и сердечный приём ожидал Елену и в первом крупном городе на территории Литвы, Смоленске. Великую княжну Елену торжественно приветствовал смоленский наместник Александра Литовского, все бояре и жители города. Русское православное духовенство организовало в честь невесты великого князя Литовского грандиозный молебен с Смоленском кафедральном соборе. Елена, потрясенная пышностью приёма на литовской земле, оставалась в Смоленске два дня, чтобы затем свадебному поезду двинуться дальше

В Витебске, Полоцке, других литовских городах знатные вельможи и православное духовенство встречали великую княжну с пышными дарами и искренней радостью и любовью, радуясь тому, что кровь Владимира Святого и московских князей скоро соединится с кровью Гедимина и Витовта. Что церковь греческая, сирая, безгласная и забитая в Литве, находящаяся в тени латинства, найдёт ревностную покровительницу православия на троне. Что брачным союзом и мирным договором Москвы и Литвы в славное правление Ивана Великого возобновляется древняя, добросердечная связь между единоплеменными народами.

Когда великая княгиня Елена Ивановна прибыла на глубинную литовскую территорию, близ Крево её встретили особо доверенные жениха Александра, князь Константин Иванович Острожский и князья Иван и Василий Глинские, которые от имени жениха предложили невесте роскошную карету с запряженными восемью серыми жеребцами в дорогой сбруе. Елена, выполняя указы отца, отказалась пересесть в литовскую карету и осталась в надежной московской повозке, в богато украшенных санях. Елена строго выполняла указы отца-государя: она могла воспользоваться каретой жениха, предложение которой всё-таки ожидалось, только в том случае, если в карете будет находиться мать Александра, чтобы приветствовать невесту и сопровождать её к сыну.

За три версты до Вильны окруженный двором и знатными вельможами князь Александр лично встретил невесту верхом на коне. Подъехав к невестиным саням, князь приказал постелить между его конем и повозкой Елены красную суконную материю. Московские бояре по приказу главы свадебного поезда Ряполовского ответили так: положили у ступенек саней поверх литовской материи свою более полновесную шерстяную ткань – дамаск. Этой символикой обозначилась встреча Москвы и Литвы: спешившийся жених ступил на свою литовскую материю, а невеста на свой московский дамаск, то есть при встрече каждый был на «своей территории».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.